

Брак по-американски

Автор:

Тайари Джонс

Брак по-американски

Тайари Джонс

Шорт-лист. Новые звезды

Молодожены Селестия и Рой – настоящее воплощение американской мечты. Он – молодой управленец на пороге блестящей карьеры, она – подающая надежды талантливая художница. Но, не успев испытать всех маленьких радостей и горестей совместной жизни, молодая пара сталкивается с испытаниями, предугадать которые было невозможно. Рой арестован и приговорен к двенадцати годам за преступление, которого он не совершал. Селестия, несмотря на свой сильный и независимый характер, опустошена. Она вступает в отношения с Андре, ее другом детства и шафером на ее свадьбе. Она требует от мужа развода, понимая, что не сможет любить его как раньше. Внезапно через пять лет приговор Роя отменяют, и он возвращается в Атланту, готовый возобновить отношения с женой.

«Брак по-американски» – пронзительная история любви и жизни людей, одновременно связанных и разделенных силами, которые они не могут контролировать.

Тайари Джонс

Брак по-американски

Посвящается сестре моей матери, Альме Фэй, и моим сестрам, Максине и Марше

Ты не владеешь тем, что с тобою случится, тебя это задевает лишь отчасти. И тебе не принадлежит. Не только тебе.

Клаудия Рэнкин

Tayari Jones

AN AMERICAN MARRIAGE

© Tayari Jones, 2018

© Платонова А., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Часть I

Музыка моста

Рой

Есть два рода людей: те, что уезжают из дома, и те, что остаются. Я с гордостью причисляю себя к первой группе. Моя жена, Селестия, всегда говорила, что я деревенский парень до мозга костей, но я никогда не обращал внимания на подобные определения. Строго говоря, я и не рос в деревне: Ило, штат Луизиана, – это небольшой город. Когда говорят «деревня», сразу представляется уборка урожая, сено в тюках и дойка коров. А я сроду не сорвал с куста и коробочки хлопка (чего не скажешь о моем отце). В жизни я не притронулся к лошади, козе или свинье и не желаю пробовать. Селестия всегда смеялась и уточняла: она, мол, и не имела в виду, что я фермер, просто родом из

деревни. А она родилась в Атланте. Казалось бы, про нее тоже можно сказать, что она провинциалка. Но сама она называет себя «южанкой» (не путать с «южной красавицей»[1 - Южная красавица – характерное для США устойчивое выражение и стереотипное представление об американке Юга с высоким социально-экономическим положением.]). И по какой-то причине не возражает, если про нее говорят: «персик из Джорджии»[2 - Штат Джорджия знаменит во всем мире своими исключительно вкусными персиками, поэтому красивых девушек из этого штата называют «персик из Джорджии».]. Я, впрочем, тоже не против, на этом и остановимся.

Селестия считает, что ее дом – всюду, и она права. В то же время она каждую ночь засыпает в тех же стенах, где и выросла. А я, наоборот, умчался прочь на первом же автобусе – ровно через семьдесят один час после выпускного. Я уехал бы и раньше, только к нам в Ило не каждый день заходит междугородный транспорт. Когда почтальон принес маме картонный тубус с моим дипломом, я уже заселился в комнату в общежитии Морхауз колледжа и посещал специальную программу для студентов, получающих стипендию первого поколения[3 - Стипендии первого поколения – программы помощи в получении высшего образования для выходцев из семей, члены которых раньше не посещали колледж или университет.]. Нам было сказано приехать на два с половиной месяца раньше, чем студентам с потомственными привилегиями, чтобы мы могли осмотреться на местности и зазубрить основы. Представьте, как двадцать три чернокожих парня раз за разом смотрят «Школьные годы чудесные»[4 - School Daze (также известен как «Школьное изумление») – фильм 1988 года.] Спайка Ли и «Учителю, с любовью»[5 - Фильм 1967 года (режиссер – Джеймс Клавелл, в главной роли Сидни Пуатье).] Сидни Пуатье – и тогда вы или все поймете, или нет. Внушение – это ведь не всегда плохо.

Всю жизнь мне помогали социальные программы: в пять лет – «Фора», а потом очень долго – «Взлет». Если у меня когда-нибудь будут дети, они смогут катить по жизни без боковых колес, а я отдаю должное всем причастным.

Правила я выучил в Атланте – и выучил быстро. Никогда в жизни меня не называли глупым. Но дом – это не то место, где ты оказался, дом – это то место, откуда ты отправляешься. А дом не выбирают, как и семью. В покере игроку дается пять карт. Три он может обменять, а две обязан оставить себе: семью и малую родину.

Ничего не имею против Ило. Очевидно, кому-то повезло куда меньше, человеку с широким кругозором это ясно. Как по мне, хоть Ило и находится в Луизиане – явно не там, где перед тобой расстилаются широкие возможности, но это американский штат, а если ты чернокожий и хочешь чего-то добиться, лучше, чем США, тебе страны не найти. В то же время бедной мою семью не назовешь. Объясню на пальцах. Мой отец так много работал в магазине спорттоваров, по вечерам то и дело что-то чинил, а мать так долго намывала подносы в кафетерии, что я не могу вести себя так, словно у нас не было ни крова, ни еды. У нас все это было – так и запишем.

Я, Оливия и Рой жили втроем в прочном кирпичном доме в хорошем районе. У меня была своя комната, а когда Рой-старший сделал пристройку, у меня появилась и своя ванная. Когда одни ботинки становились мне малы, у меня тут же появлялись новые. Я получал стипендию, но и родители тоже вложились, чтобы отправить меня в колледж.

Но, несмотря на это, по правде сказать, сверх того у нас ничего не было. Если бы мое детство было сэндвичем, ветчина не выступала бы за края хлеба. У нас было все необходимое, но ничего больше. «Но и не меньше», – добавила бы мама и заключила бы меня в объятия, пахнущие лимонными карамельками.

Когда я приехал в Атланту, мне казалось, что у меня впереди целая жизнь – бесконечный морской простор. Знаете ведь, как говорят: «Поступил в Морхауз, выше парус». Десять лет спустя я был на высоте. Когда меня спрашивали: «Откуда ты?», я отвечал просто: «Из Ланты!» Город был мне настолько близок, что я стал звать ее вот так. Когда разговор заходил о семье, я рассказывал о Селестии.

Мы поженились полтора года назад и были счастливы, по крайней мере я точно был. Возможно, мы не вели себя как остальные счастливые пары, но мы и не походили на заурядных негров-буржуа, у которых муж ложится спать с ноутбуком под подушкой, а жене снятся ее украшения от «Тиффани». Я был молод, голоден и с жадностью смотрел в будущее. Селестия была художницей, эксцентричной и ослепительной. Мы были как влюбленные Нина и Дариус из той мелодрамы [6 - «Лов Джоунс» (Love Jones) – фильм 1997 года о молодой темнокожей паре.], но старше. Что сказать? Я всегда был падок на ярких женщин. Когда ты рядом с ними, знаешь, что влип по уши, а не как обычно, «привет-пока». До Селестии я встречался с другой девушкой, тоже родом из Ланты. Как-то раз на балу городской лиги она как ни в чем не бывало наставила

на меня пистолет. Как сейчас помню: серебристый, 22-го калибра, с рукояткой, отделанной розовым перламутром. Дуло торчало из ее сумочки под столом, за которым мы ели мясо с печеным картофелем. Она сказала, что все знает, что я изменяю ей с телкой из ассоциации чернокожих юристов. Как это объяснишь? Сначала мне было страшно, а потом нет. Только в Атланте девушка может быть одновременно настолько утонченной и напрочь отбитой. Предположим, ей руководила любовь, но я не знал, как поступить: сделать предложение или звонок в полицию? Мы расстались, прежде чем взошло солнце, и решение принял не я.

После гангстерши я какое-то время был один. Как и все, я читал новости, слышал, что в стране, возможно, не хватает холостых чернокожих мужчин, но на мой статус эти приятные известия пока никак не влияли. Женщин, которые нравились мне, уже заарканил кто-то другой. Маленькая гонка полезна всем участникам, но разрыв с гангстершей вцепился в меня клещом, и я решил на пару дней поехать в Ило, чтобы обсудить все с Роем-старшим. Мой отец как альфа и омега: был здесь до того, как ты пришел, и будет сидеть в том же кресле, когда ты уже уйдешь.

– Не нужна тебе женщина, которая оружием машет, сынок.

Я попытался объяснить, что меня зацепил контраст между грубостью пистолета и роскошью бала. Кроме того:

– Пап, да она шутила.

Рой-старший кивнул и отхлебнул пенного пива из стакана:

– А если она так шутит, что будет, когда она разозлится всерьез?

Тут с кухни, будто обращаясь к переводчику, вступила мама:

– Спроси у него, с кем она сейчас встречается. Может, она и сумасшедшая, но мозги у нее на месте. Просто так Роя-младшего никто бросать не станет – у нее точно есть замена на скамейке запасных.

– Твоя мама спрашивает, с кем она сейчас встречается, – сказал Рой-старший, будто мы с мамой говорили на разных языках.

– Да с юристом каким-то. На Перри Мейсона[7 - Перри Мейсон – практикующий лос-анджелесский адвокат, литературный персонаж серии романов классика американского детектива Эрла Гарднера.] не тянет, занимается договорным правом. В бумажках копается.

– А ты, что ли, не в бумажках копаешься? – спросил Рой-старший.

– Это другое дело. Я – торговый представитель, но это временно. Свое будущее я с этим не связываю, просто так сложилось, что сейчас у меня такая работа.

– Ясно, – ответил Рой-старший.

Мама снова вступила с комментариями со своей кухонной галерки.

– Скажи ему, что эти белые девочки вечно разбивают ему сердце. Скажи, чтобы он вспомнил про здешних девочек из прихода Аллен. Скажи, чтобы он выбирал себе кого-то более подходящего.

– Мама говорит, – начал было Рой, но я прервал его.

– Я все слышал. Кто вам вообще сказал, что она была белая?

Хотя она была именно такой, а у мамы пунктик на этот счет.

Теперь Оливия стояла в проходе и вытирала руки полосатым кухонным полотенцем.

– Не злись. Я вовсе не лезу в твои дела.

Когда речь заходит о девушках, мамам угодить трудно. Все мои приятели рассказывают мне, что мамы строго им наказали: жениться можно только на своих. А в «Эбони» и «Джет»[8 - Ebony и Jet – американские журналы, ориентированные на афроамериканскую аудиторию.] уверяют, что если у черного парня есть в кармане хоть немного денег, ему подавай только белых.

Что до меня, то я всеми руками за чернокожих, но мама все равно умудряется меня пилить, что выбрал девушку не того оттенка.

Казалось бы, Селестия должна была ей понравиться, ведь они так похожи, будто родственницы: симпатичные, аккуратные, как Тельма из моего любимого сериала – моя первая экранная любовь, между прочим. Но хоть Селестия и выглядела как надо, она пришла к нам из другого мира – принцесса Жасмин в облики Тельмы. А Рою-старшему, наоборот, Селестия так понравилась, что, если бы не я, он сам бы на ней женился. И от этого мама больше ее любить не стала.

– У меня есть только один способ завоевать Оливию, – сказала однажды Селестия.

– И какой же?

– Родить ребенка, – вздохнула она. – Когда мы видимся, она всякий раз смотрит на меня так, будто у меня в теле заперты ее внуки, а я не выпускаю их наружу.

– Да ладно тебе, не выдумывай.

Но, по правде сказать, я понимал, куда клонит мама. Год спустя я был готов приступить к делу, выпустить новое поколение с обновленным списком инструкций и правил.

Не то чтобы наше с Селестией воспитание казалось мне неправильным, но мир меняется, и детей нужно воспитывать по-новому. В частности, я планировал никогда не говорить со своими детьми о сборе хлопка. Мои родители без конца твердили про хлопок в буквальном или фигуральном смысле. Белые говорят «вкалывает как проклятый», а черные – «вкалывает как на хлопковой плантации». Я своим детям не собираюсь постоянно напоминать, что обычные вещи им доступны потому, что ради этого кто-то умер. Не хочу, чтобы Рой III сидел в кинотеатре, смотрел «Звездные войны» (или что у них там будет) и думал, что его право сидеть в кресле и есть попкорн стоило кому-то жизни. Не будет этого. Или будет, но совсем чуть-чуть. С пропорциями еще надо разобраться. Селестия клянется никогда не говорить ребенку, что он должен работать в два раза больше, чтобы получить в половину меньше. «Даже если так и есть, зачем это знать пятилетке?»

В Селестии все женские качества сочетались в безупречной пропорции – не как у пресной офисной служащей, нет, она несла свое происхождение, будто оно было блеском на лакированной коже дорогих туфель. Кроме того, она трахалась с изобретательностью художницы, но не доходила до сумасшествия. Другими словами, розовый пистолет она в сумочке не носила, но напряжение от этого не падало. Селестия всегда поступала так, как считала нужным, и это чувствовалось сразу. Она была высокой, метр семьдесят пять, с плоскими стопами и даже выше, чем ее отец. Я знаю, что рост – это чистая удача, но казалось, что она сама так решила. Из-за волос, пышных и непослушных, она казалась капельку выше меня. Даже если не знать, что Селестия – гений нитки и иголки, было ясно, что перед тобой – совершенно особенная личность. Хотя некоторые (и под «некоторыми» я подразумеваю свою матушку) так не думали, я знал, что благодаря этим качествам она станет прекрасной матерью.

Я даже подумывал, не предложить ли ей назвать нашего ребенка – сына или дочь – Завтра.

Если бы решал я, мы бы мчались к родительству уже во время медового месяца. Вообразите: мы вдвоем лежим в хижине со стеклянным полом, а под нами – океан. Я и не знал, что такое бывает, но прикинулся, что давно в теме: когда Селестия показала мне брошюру, я сказал, что это моя давняя мечта. И вот мы лежим на Бали, зависнув над океаном, и наслаждаемся друг другом. Свадьба была почти два дня назад – от Америки нас отделяли двадцать три часа перелета первым классом. На свадьбе Селестия преобразилась в кукольную версию самой себя: непослушные волосы заарканены в тугий пучок на затылке, как у балерины, на щеках – яркий косметический румянец. Я смотрел, как она плывет ко мне по проходу под руку с отцом и оба хихикают, будто это все еще репетиция. А я стою, серьезный как четыре сердечных приступа и инсульт. Но потом она взглянула на меня, розовые губы сложились в поцелуй, и я понял, в чем была шутка. Она дала мне понять, что все это: девочки, которые несут шлейф ее платья, мой костюм-визитка, даже кольцо у меня в кармане – все это не всерьез. Но вот огоньки в ее глазах и быстрый бег нашей крови были подлинными. И тогда я тоже улыбнулся.

На Бали от пучка не осталось и следа, она расхаживала с шевелюрой как из семидесятых, и на ней не было ничего, кроме блесток для тела.

– Давай делать детей.

Она рассмеялась:

– Вот, значит, как.

– Я серьезно.

– Подожди, папочка, еще рановато, – сказала она. И добавила: – Но скоро.

На нашу бумажную свадьбу я написал на листке: «Скоро уже наступило?»

Она перевернула листок и написала на другой стороне: «Наступило еще вчера. Я ходила к доктору, и он сказал, что мой организм готов».

Но на пути у нас встал другой листок бумаги – моя собственная визитка. Мы вернулись домой после ужина в честь годовщины – ходили в «Бьютифул» на Каскад-роуд: полуресторан, полудайнер. Не очень роскошно, но именно здесь я сделал ей предложение. Она тогда сказала: «Я согласна, только спрячь кольцо, пока нас не обокрали». Мы снова пришли сюда в годовщину и устроили пир: заказали ребрышки, макароны с сыром и кукурузный пудинг. Потом пошли домой, где уже был десерт: два куса свадебного пирога 365 дней пролежали в морозилке, дожидаясь, сумеем ли мы продержаться вместе год. Мне хотелось продолжить этот разговор, и я достал бумажник, чтобы показать ее фотографию, которую я там хранил. Когда я доставал снимок из кармашка, из бумажника выпала моя визитка и мягко приземлилась рядом с кусками торта «Амаретто». На обратной стороне карточки фиолетовыми чернилами было записано женское имя и телефонный номер, что уже само по себе было плохо. Но Селестия заметила еще три цифры, которые она посчитала номером комнаты в гостинице.

– Я все объясню.

Правда такова: мне нравились женщины. Мне нравилось заигрывать с ними, чувствовать эту легкую дрожь. Иногда я записывал номера телефонов, как делал еще в колледже. Но в 99,997 процентах случаев на этом все и заканчивалось. Мне просто нравилось знать, что я по-прежнему так могу. Все невинно, правда?

– Объясняй, – сказала она.

– Она мне сама ее в карман сунула.

– Как она могла сама сунуть тебе в карман твою же визитку?

Селестия очень злилась, и меня это слегка заводило, как щелчок на плите перед тем, как вспыхнет пламя.

– Она у меня сама ее попросила. Я думал, ничего такого.

Селестия встала, собрала блюда с тортом и кинула все в мусорку, будь этот свадебный сервиз неладен. Потом она вернулась к столу, взяла фужер с розовым шампанским и опрокинула игристое так, будто это стопка текилы. Затем она вырвала бокал у меня из рук, выпила мою порцию, и бокалы на длинной ножке тоже полетели в мусорку. Разбившись, они зазвенели как колокольчики.

– Какое же ты говно.

– Но ведь сейчас я с тобой. В нашем доме. Каждую ночь кладу голову рядом с тобой на подушку.

– И все это в нашу, твою мать, годовщину.

Ее злость таяла и становилась грустью. Она села на высокий стул.

– Зачем ты женился на мне, если хочешь изменять?

Я не стал ей говорить, что сам факт измены невозможен, если ты не женат. Вместо этого я сказал правду.

– Я ей в жизни не звонил, – я подсел к ней и добавил. – Я люблю тебя, – эти слова прозвучали как заклинание. – С годовщиной нас.

Она позволила мне поцеловать себя (хороший знак), и я почувствовал вкус розового шампанского на ее губах. Мы уже разделись, когда она с силой укусила

меня за ухо.

– Все ты врешь.

Она потянулась к моей тумбочке и достала оттуда серебристый квадратик:

– Надевай давай.

Знаю, найдутся те, кто скажет: наш брак был в кризисе. Людям всегда есть что сказать, когда они не видят, что происходит за закрытыми дверями, в кровати, между закатом и рассветом. Но я, будучи не только свидетелем, но и частью нашего брака, убежден, что у нас все было в порядке. Ведь если ее может вывести из себя клочок бумаги, а меня сводит с ума дурацкая резинка – это что-нибудь да значит.

Да, мы были женаты, но мы были молоды и были друг от друга без ума. Прошел уже год, а огонь между нами все еще пылал. Ведь в чем здесь главная трудность? Установить следующее обновление. По идее, мы как тот сериал, «Другой мир»[9 - Сериал, выходивший в 1987–1993 годах и рассказывавший о жизни группы студентов, обучающихся в бывшем «чёрном университете».], в телешоу «20 лет спустя». Выросшие Уитли и Двейн. Но таких, как мы с Селестией, Голливуд еще не выдумал. У нее талант, а я – ее менеджер и муза. Не в том смысле, что я лежу в чем мать родила, а она меня рисует, нет. Я просто остаюсь собой, а она за мной наблюдает. Еще до свадьбы ее скульптура выиграла приз – на расстоянии это просто шар из разноцветного стекла, но если встать поближе и взглянуть с определенного угла, линии внутри стекла складывались в мой профиль. Ей за эту работу предложили пять тысяч долларов, но она не захотела ее продавать. Когда брак под угрозой, так не поступают.

Она поддерживала меня, а я поддерживал ее. В прошлом, когда мужчины работали, чтобы жены сидели дома, их называли «кормильцами». Рой-старший очень стремился стать кормильцем, чтобы Оливия сидела дома, но у него не вышло. Отчасти для него, а может быть, и для себя самого я пропадал на работе, чтобы Селестия оставалась дома и шила кукол – в этом заключалось ее творчество. Я скорее за мраморные скульптуры музейного уровня и утонченные карандашные рисунки, но куклы доступны даже широкой публике. Я представлял себе линейку матерчатых кукол, которых мы станем продавать

оптом – таких можно посадить на полку или просто обнять покрепче. У нее будут и первоклассные работы на заказ, и произведения искусства, за которые станут платить пятизначные суммы. Но имя она себе заработает именно на ходовых куклах – так я ей сказал. И оказался прав.

Знаю, что все это уже быльем поросло и на чудный сад совсем не тянет, но, честно говоря, мне нужно рассказать все с самого начала. Мы были женаты год с небольшим, но это был хороший год. Даже она с этим спорить не станет.

Метеорит врезался в нашу жизнь в День труда[10 - Национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.]. Мы поехали к моим родителям в Ило на выходные. Решили доехать на машине, мне такие поездки нравились больше. По работе часто приходилось летать – тогда я работал торговым представителем в издательстве учебной литературы, которое специализировалось на пособиях по математике (хотя максимум, что я мог – умножать в уме до двенадцати). Дела у меня шли в гору: продавать-то я умел. За неделю до нашей поездки я заключил неплохой контракт на поставку учебников с нашей альма-матер, и все шло к подписанию еще одного, с Госуниверситетом Джорджии. До магната далековато, но я надеялся на премию, которой хватило бы, чтобы начать разговор о покупке нового дома. Вообще-то, меня полностью устраивала и наша нынешняя обитель – крепкий и просторный одноэтажный дом в тихом районе. Просто его нам на свадьбу подарили ее родители, Селестия в этом доме выросла, и они его передали своей единственной дочери – и только ей. Так белые обычно делают, дают детям опору, очень по-американски. Но мне хотелось вешать шляпу на крючок, под которым бы значилось мое имя.

Вот что было у меня на уме, но не в душе, пока мы ехали в Ило. Ссора в годовщину осталась позади, в наши отношения вернулся прежний ритм. Олдскульный хип-хоп долбился в колонки нашей «Хонды Аккорд» – машина для семьи с детьми, но у нас задние сиденья пока пустовали.

Шесть часов спустя я включил поворотник и свернул к выезду 163. Когда мы съехали на двухполосную дорогу, я почувствовал, что Селестия как-то переменилась. Она ссутулила плечи и грызла кончики волос.

– Что случилось? – спросил я, убавив громкость величайшего хип-хоп-альбома в истории.

– Просто переживаю.

– Из-за чего?

– Знаешь, такое чувство, будто я духовку забыла выключить.

Я вернул громкость до уровня где-то между долбежкой и грохотом.

– Ну позвони Андре.

Селестия теребила ремень, будто он слишком натирал ей шею.

– Я рядом с твоими родителями всегда чувствую себя неуверенно.

– С моими?

Людей проще, чем Оливия и Рой, просто не найти. А вот родителей Селестии действительно открытыми не назовешь. Ее отец был невысокий пижон, ростом от горшка два вершка, с копной волос не хуже, чем у Фредерика Дугласа[11 - Фредерик Дуглас – американский писатель, просветитель, аболиционист, редактор и оратор. Один из известнейших борцов за права чернокожего населения Америки, руководитель негритянского освободительного движения.], которую разделял надвое косой пробор. Вдобавок ко всему он был еще и какой-то гениальный изобретатель. А ее мать работала в сфере образования, но была не учителем и даже не директором, а помощником инспектора школьного округа. А, забыл сказать, ее отец лет десять-двенадцать назад напал на золотую жилу, когда изобрел соединение, которое замедляет образование осадка в апельсиновом соке. Эту конфетку он продал крупной корпорации, и с тех пор на их семью без конца льется денежный дождь. Так что этих людей действительно удивить сложно. По сравнению с ними Оливия и Рой – это просто подарок.

– Да они тебя любят, – сказал я.

– Нет, любят они тебя.

– А я люблю тебя, и поэтому тебя они тоже любят. Просто же, как дважды два.

Селестия смотрела в окно, мимо проносились тонкие сосны.

– Мне тревожно, Рой. Поедем домой.

Моя жена склонна драматизировать. Но она как-то странно запиналась, и я понял, что она боится.

– Что с тобой?

– Не знаю. Давай вернемся?

– Но что я маме-то скажу? Ты же знаешь, она уже вовсю ужин готовит.

– Свали все на меня. Скажи, я во всем виновата.

Когда вспоминаешь об этом, кажется, что смотришь ужастик, и просто диву даешься, почему же герои так настойчиво игнорируют знаки опасности. Ведь когда чей-то призрачный голос говорит тебе «беги», надо бежать. Но в реальной жизни ты никогда не поймешь, что оказался в фильме ужасов. Ты скорее подумаешь, что твоя жена просто накручивает. Будешь втайне надеяться, что она беременна, потому что именно ребенок привяжет ее к тебе накрепко и отрезет ей пути отступления.

Когда мы приехали, Оливия ждала нас на веранде. Мама любит парики, и в тот раз она надела кудри цвета персикового варенья. Я запарковался во дворе, впритык к папиному «Крайслеру», заглушил двигатель, распахнул дверь, взбежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, и обнял маму. Она у меня малышка, так что я без труда поднял ее в воздух, и она засмеялась звонко, как ксилофон. «Маленький Рой, – сказала она, – наконец ты дома».

Поставив ее на землю, я обернулся, но позади меня было пусто. Я сбежал вниз, снова перепрыгивая через ступеньку, открыл пассажирскую дверь, и Селестия протянула мне руку. Клянусь, я видел, как мама закатила глаза, когда я вывел

жену из «Хонды».

– Тут у вас треугольник, – объяснял мне Рой, пока мы пили коньяк, уединившись в комнате. Оливия стояла у плиты, а Селестия ушла переодеться с дороги.

– Мне повезло, – продолжил он. – Когда мы с мамой познакомились, оба уже были вольными птицами. Мои умерли, а ее жили где-то в Оклахоме и вели себя так, будто ее и на свете не было.

– Они поладят, – ответил я ему. – Селестии просто нужно время, чтобы привыкнуть к новому человеку.

– Ну, и мама у тебя тоже не ангел, – сказал Рой-старший, соглашаясь, и мы подняли стаканы, чтобы выпить за наших сложных женщин, которые сводили нас с ума.

– Будет проще, когда она родит.

– Верно. Дикого зверя задобрит внук.

– Ты кого назвал зверем?

Мама возникла в комнате и уселась на колени к Рою-старшему, как девочка-подросток. Из другой двери вышла Селестия, отдохнувшая, красивая, надушенная цитрусовыми духами.

Я устроился в раскладном кресле, а родители ворковали на диване, и сесть Селестии было некуда, так что я похлопал себя по ноге. Она игриво устроилась у меня на коленях. Со стороны мы выглядели как участники неловкого двойного свидания откуда-то из 50-х.

Мама выпрямилась:

– Селестия, я слышала, что ты знаменитость.

– Прошу прощения? – Селестия слегка дернулась, чтобы встать, но я ее удержал.

– Ну, в журнале публикуешься. Почему нам не рассказала, что наделала шуму?

Селестия смутилась.

– Это ведь просто вестник выпускников.

– Это журнал, – ответила мама.

Она взяла номер с полки под журнальным столиком и открыла страницу с загнутым уголком. На опубликованной там фотографии Селестия держала куклу Жозефины Бейкер[12 - Жозефина Бейкер – американо-французская танцовщица, певица и актриса.]. «Художники, за которыми стоит следить», – гласила надпись жирным шрифтом.

– Это я прислал, – признался я. – А что делать? Я тобой горжусь.

– Правда, что тебе за кукол платят по пять тысяч долларов? – Оливия сжала губы, взглянула на Селестию краем глаза и быстро отвела взгляд.

– Не всегда, – ответила Селестия, но я ее перебил.

– Так и есть. Ведь я ее менеджер. И я никому не позволю обождать мою жену.

– Пять тысяч долларов за куклу?

Оливия обмахивалась журналом, пряди цвета персикового варенья подлетали вверх.

– Видимо, для этого Господь и создал белых.

Рой хрюкнул, а Селестия завертелась, как жук, упавший на спину, пытаясь встать с моих колен.

– По фотографии судить сложно, – она оправдывалась, как маленькая девочка. – Головной убор вручную расшит бисером, и...

– Пять тысяч долларов на бисер точно хватит, – вставила мама.

Селестия посмотрела на меня, и я попытался их помирить:

– Мама, ругай игру, а не игроков.

Рядом со своей женщиной мужчина всегда поймет, что ляпнул невпопад. Умеет она так управлять ионами воздуха, что ты дышать перестаешь.

– Это искусство, а не игра.

Взгляд Селестии упал на околоафриканские узоры в рамке на стене.

– Настоящее искусство.

Рой-старший, умелый дипломат, предложил:

– Может, если бы мы могли увидеть вживую...

– У нас как раз одна в машине лежит, – ответил я. – Пойду принесу.

Укутанная в мягкое одеяло кукла выглядела как живой младенец. Такие у Селестии причуды. С одной стороны, эта женщина, скажем так, опасалась материнства, но при этом довольно трепетно относилась к этим созданиям. Я пытался объяснить Селестии, что ей придется поменять свое к ним отношение, когда мы рассадим кукол на витрине. Этих кукол, как и ту, что я держал в руках, в минуту раскупят по цене произведений искусства. Когда продажи пойдут вверх, их придется шить быстро, наладить массовое производство. Никаких тебе кашемировых одеял. Но на эту я пока закрыл глаза. Ее нам заказал мэр Атланты – он хотел сделать подарок начальнику штаба, которая должна была родить ко Дню благодарения.

Когда я отогнул одеяло, чтобы мама увидела лицо, Оливия шумно выдохнула. Я подмигнул Селестии, она подобрела, вернула ионы на место, и я снова смог дышать.

– Вылитый ты, – сказала Оливия и взяла куклу из моих рук, придерживая ей голову.

– Я сделала лицо по его фотографии, – быстро вставила Селестия. – Рой меня вдохновляет.

– Поэтому-то она за меня и вышла, – пошутил я.

– Не только поэтому, – ответила Селестия.

Волшебный был момент – мама не могла вымолвить ни слова. Она ела глазами сверток в руках, когда отец встал с дивана, подошел к ней и заглянул через плечо.

– В волосах у нее австрийские кристаллы, – продолжила Селестия, все больше увлекаясь. – Поверните к свету.

Мама развернула куклу, и голова младенца засияла, когда свет ламп заплясал на шапочке из черных кристаллов.

– Словно нимб, – сказала мама. – Вот каково это – быть матерью. У тебя есть свой ангел.

Мама пересела на диван и положила куклу на подушку. Со мной словно бэд-трип случился, настолько кукла была похожа на меня (по крайней мере, на мои детские фотографии). Будто смотришься в заколдованное зеркало: в Оливии я увидел ту шестнадцатилетнюю девушку, которая очень рано стала матерью, но была со своим ребенком нежной, как весенний день.

– Я могу купить ее у тебя?

– Нет, – сказал я. Меня распирала гордость. – Мам, это спецзаказ. Десять штук, обделано гладко, сделку заключил ваш покорный слуга.

– Разумеется, – сказала мама, закрывая лицо куклы одеялом, словно саваном. – Да и зачем такой старухе кукла.

– Забирайте, – сказала Селестия.

Я смерил ее взглядом, который Селестия называла взглядом малолетнего дельца. Дедлайн был не просто строгим – он был написан черным по белому и закреплен подписями в трех экземплярах. Перенос дат не предусмотрен.

Даже не глядя на меня, Селестия сказала:

– Я сделаю еще одну.

– Нет, не надо. Не хочу, чтобы у тебя из-за меня были проблемы. Просто он так похож на новорожденного Роя.

Я потянулся, чтобы забрать у нее куклу, только она не спешила ее отдавать, а Селестия не спешила мне помочь. Стоит кому-то только похвалить ее работу, она тут же уши развесит и тает. Над этим нам тоже придется поработать, если мы всерьез собираемся заняться бизнесом.

– Оставьте себе, – сказала Селестия, будто и не было трех месяцев, которые она потратила на эту куклу. – Я для мэра сделаю еще.

Теперь Оливия перемешала ионы.

– Ой, мэр. Прошу прощения! – она отдала мне куклу. – Несите скорей назад в машину, пока я ее не испачкала. А то еще выставите мне счет на десять тысяч.

– Я совсем не это имела в виду, – Селестия виновато на меня посмотрела.

– Мама, – сказал я.

– Оливия, – сказал Рой-старший.

– Миссис Гамильтон, – сказала Селестия.

– Пора за стол, – сказала мама. – Надеюсь, вас устроит батат с листьями горчицы.

Мы ужинали не в полной тишине, но никто особенно ни о чем не разговаривал. Оливия так разозлилась, что испортила холодный чай. Я сделал большой глоток, предвкушая мягкое послевкусие тростникового сахара, и закашлялся, почувствовав резкий вкус поваренной соли. Вскоре со стены упал мой школьный аттестат, по стеклу пробежала трещина. Снова знаки? Может быть. Но я разрывался между двумя женщинами, которыми безгранично дорожил, и не думал о посланиях свыше. Не подумайте, я умею вести себя правильно в сложной ситуации. Любой мужчина знает, как сделать так, что его хватит на всех. Но мама и Селестия раскололи меня надвое. Оливия выносила меня и воспитала во мне мужчину, которым я стал. А Селестия вела меня в будущее, открывала передо мной сияющую дверь на следующий уровень.

На десерт мама сделала мой любимый пирог с орехами и корицей, но мне кусок в горло не лез из-за этой ссоры с куклой за десять штук. Тем не менее я выстоял и съел две порции: всем известно, если хочешь окончательно довести южанку до белого каления, просто откажись есть ее еду. Поэтому мы с Селестией уминали пирог, словно беженцы, хотя пообещали друг другу есть меньше сладкого.

Когда убрали со стола, Рой-старший сказал:

– Ну, перенесем ваши вещи из машины?

– Нет, старик, – мой голос был тоньше, чем корж в мамином торте. – Я нам забронировал комнату в «Сосновом лесу».

– Ты что, пойдешь спать в эту дыру, а не к себе домой? – спросила Оливия.

– Хочу отвести Селестию туда, откуда все началось.

– Но это можно сделать и здесь.

Но, по правде говоря, нет. Мои родители любят переиначивать прошлое, а эту историю нужно было рассказывать по-другому. Мы были в браке уже год, и Селестия должна была наконец узнать, за кого она вышла замуж.

– Это ты так захотела? – спросила мама у Селестии.

– Нет, что вы. Я бы с удовольствием осталась у вас.

– Это я так решил, – сказал я, хотя Селестия радовалась, что мы ночуем в гостинице. Она говорила, что ей всегда не по себе, когда мы спим в одной кровати в доме моих родителей, хотя мы состоим в законном браке и все такое. Когда мы ночевали здесь в прошлый раз, она надела ночную рубашку как из XIX века, хотя обычно спала обнаженной.

– Но я уже приготовила вам комнату, – сказала Оливия, вдруг повернувшись к Селестии. Женщины взглянули друг другу в глаза так, как мужчины в жизни друг на друга не посмотрят. На мгновение они оказались в комнате одни. Когда Селестия обернулась ко мне, она была странно напугана.

– Рой, как ты думаешь?

– Вернемся утром, мам. Как раз к медовому печенью.

Сколько времени у нас ушло на сборы перед уходом? Возможно, так всегда бывает, когда смотришь в прошлое, но все, кроме меня, медлили, словно набили карманы камнями. Когда мы, наконец, подошли к двери, папа передал Селестии укутанную куклу.

– Раскрой его слегка, – сказала мама, отогнув одеяло, и рыжее закатное солнце снова зажгло нимб.

– Оставьте себе, – сказала Селестия. – Ну, правда.

– Она для мэра, – сказала Оливия. – А мне ты можешь сделать еще одну.

– А еще лучше – настоящего внука, – вставил Рой-старший и обвел своей большой рукой невидимый круглый живот. Его смех рассеял липкие чары, которыми нас приковало к дому, и мы смогли уехать.

Селестия растаяла, как только мы оказались в машине. Злые силы или нервы, мучившие ее, исчезли, когда мы выехали на шоссе. Она опустила голову между колен, чтобы расплести французскую косу, и распустила убранные волосы. Потом она выпрямилась и снова стала собой: вернулись копна волос и озорная улыбка.

– Боже, как было непросто.

– Правда, – согласился я. – Понять не могу, в чем дело.

– В ребенке. Когда речь заходит о внуках, даже нормальные родители с катушек съезжают.

– Но твои-то не такие, – сказал я, вспомнив ее отца и мать – холодных, как замороженный пирог.

– Нет, и они тоже. Они просто рядом с тобой сдерживаются. Им всем психотерапевт нужен.

– Но мы же хотим завести детей. Ну, что с того, если они тоже детей хотят. Хорошо же, что мы все хотим одного?

Перед мостом по пути в гостиницу я съехал на обочину. Мост явно не подходил по размеру к тому, что на карте значилось как река Алдريدж, но на деле было просто широким ручьем.

– Что у тебя на ногах?

– Босоножки на платформе, – ответила Селестия, нахмурившись.

– Ты в них идти можешь?

Селестию явно смущали ее туфли – замысловатая конструкция из ленты в горошек и пробковых платформ.

– Нет, а как бы я впечатлила твою маму в туфлях на плоской подошве?

– Не переживай, это близко, – сказал я и ступил на мелкую насыпь. Селестия семенила за мной.

– Держись за шею, – предупредил я и взял ее на руки, как невесту. Так я и нес ее до конца пути. Она уткнулась мне в шею и вздохнула. Я никогда ей не признавался, но мне нравилось быть сильнее, так, чтобы у нее буквально земля уходила из-под ног. Она мне тоже не говорила, но я знал, что ей тоже это по душе. Когда мы дошли до ручья, я поставил ее на влажную землю.

– Что-то ты потяжелела. Может, ты все-таки беременна?

– Ха-ха, очень смешно, – сказала она и посмотрела вверх. – Для такой речушки мост явно великоват.

Я сел на землю, скрестив ноги, и прислонился спиной к металлической опоре, будто это дерево у нас перед домом. Я похлопал рукой по земле перед собой, и Селестия села ко мне спиной, я обнял ее за грудь, прижавшись подбородком к ее шее. Прозрачная вода в ручье пенилась, набегаая на гладкие камни, и в сумерках маленькие волны отливали серебром. От моей жены пахло лавандой и кокосовым тортом.

– Раньше, еще до того, как построили дамбу и вода ушла, мы с папой часто приходили сюда по субботам. Приносили леску и приманки. Отчасти это и есть отцовство: бутерброды с колбасой и газировка. Селестия рассмеялась, не подозревая, насколько я серьезен.

Над нами проехала машина, металлическая сетка задрожала, и ветер словно заиграл на ней, выдувая ноты сквозь отверстия – так еще бывает, если легонько подуть в горлышко бутылки.

– Если проедет сразу много машин, получится почти песня.

И мы сидели там, ждали машины, слушали музыку моста. Наш брак был в безопасности. И это не просто ностальгия по прошлому.

– Джорджия, – сказал я, называя ее ласковым прозвищем. – Моя семья сложнее, чем тебе кажется. Мама... – но я не смог договорить до конца.

– Все хорошо, – успокоила меня она. – Я не расстроена. Просто она тебя очень любит.

Она повернулась ко мне, и мы поцеловались. Как подростки, которые уединились под мостом. Удивительное чувство, когда ты взрослый, но при этом молод. Женат, но не пресыщен. Связан, но свободен.

Мама преувеличивала. «Сосновый лес» был неплохим мотелем, на крепкие полторы звезды, и еще хотя бы одна звезда полагалась по статусу, как единственной гостинице в городе. Сто лет назад я привел сюда девушку после выпускного, надеясь расстаться с девственностью. Пришлось расфасовать тонны продуктов в супермаркете, чтобы заплатить за комнату, купить бутылку «Асти Спуманте» и еще несколько атрибутов романтического вечера. Я даже заскочил в автоматическую прачечную за мелочью для виброкровати. В результате свидание оказалось комедией ошибок. Чтобы включить кровать, пришлось скормить ей почти полтора доллара, а когда она все-таки заработала, то заревела громко, как газонокосилка. Кроме того, на моей подружке было надето платье с кринолином времен балов и плантаций, и, когда я попытался познакомиться с девушкой поближе, юбка отскочила и ударила меня по носу.

Когда мы заселились в комнату, я рассказал эту историю Селестии, надеясь, что она посмеется. Но вместо этого она сказала: «Иди ко мне, милый», – и позволила мне положить голову ей на грудь – в точности как девушка с выпускного.

– Будто мы пошли в поход, – сказал я.

– Скорее, учимся по обмену.

Я взглянул в зеркало и, встретившись с ней взглядом, заговорил:

– Можно сказать, что я прямо здесь и родился. Оливия тогда тут работала уборщицей.

Тогда «Сосновый лес» был «Берлогой бунтовщика» – довольно чисто, но в каждой комнате висел флаг Конфедерации. Когда у Оливии начались схватки, она терла ванную, но мама твердо решила не рожать ребенка под звездами на

красном фоне. Она не разжимала ног, пока владелец гостиницы (достойный человек, несмотря на все это убранство), вез ее за пятьдесят километров в Александрию. Год спустя, 5 апреля 1969 года, я впервые остался на всю ночь в смешанных яслях. Мама этим очень гордилась.

– А где был Рой-старший? – спросила Селестия, как я и предполагал.

Именно ради этого вопроса мы сюда и приехали, но почему же мне было так трудно на него ответить? Я вел ее к этому вопросу, а когда он был задан, я онемел, будто камень.

– На работе?

Селестия сидела на кровати и пришивала бисер к голове куклы, но мое молчание ее насторожило. Она откусила нитку, завязала узелок и повернулась ко мне.

– Что такое?

Мои губы двигались, но не издавали ни звука. Я неправильно начал. Свою историю я отсчитываю с того дня, но начало всей истории уходит глубже в прошлое.

– Рой, в чем дело? Что случилось?

– Рой-старший – не мой отец.

Я обещал маме, что никогда не произнесу вслух эту короткую фразу.

– Что?

– Не мой биологический отец.

– Но вас же зовут одинаково?

– Он меня усыновил в младенчестве и поменял мне имя.

Я встал с постели и сделал нам простой коктейль из сока с водкой. Я мешал напитки пальцем и не мог заставить себя поднять глаза, чтобы встретиться с ней взглядом, даже в зеркале. Она спросила:

– И давно ты это знаешь?

– Они мне рассказали до того, как я пошел в детский сад. Ило – маленький город, и они не хотели, чтобы я узнал об этом где-то во дворе.

– И ты мне об этом тоже сейчас рассказываешь поэтому? Чтобы я не узнала об этом от кого-то другого?

– Нет. Я рассказываю тебе потому, что ты должна знать все мои тайны.

Я подошел к кровати и отдал ей тонкий пластиковый стаканчик.

– За нас.

Она никак не отреагировала на мой скорбный тост, поставила стакан на покрытую царапинами тумбочку и аккуратно укутала куклу мэра.

– Рой, зачем ты так? Мы женаты уже год, и тебе не пришло в голову рассказать мне об этом раньше?

Я ждал продолжения, отрывистых фраз, слез. Возможно, мне даже этого хотелось, но Селестия только опустила глаза и помотала головой. Вдохнула и выдохнула.

– Рой, ты специально все подстроил.

– Что? Что значит «все»?

– Ты говоришь, что хочешь детей, что ближе меня у тебя никого нет, а потом оказывается, что в шкафу у тебя стоял такой скелет.

– Никакой это не скелет. Разве это что-то меняет?

Я вбросил это как риторический вопрос, но ждал правдивого ответа. Я хотел, чтобы она сказала, что это ничего не меняет, что я – это я, и мое ветвистое семейное древо тут ни при чем.

– Я не только об этом. Ты хранишь в бумажнике чей-то телефон, иногда ходишь без кольца. И еще вот это. Как только мы переживем что-то одно, появляется что-то другое. Если бы я не была так в тебе уверена, я бы подумала, что ты пытаешься разрушить наш брак, будущего ребенка – все.

Она говорила так, будто я один во всем виноват, хотя в любой ссоре виноваты оба.

Когда я был в ярости, я не повышал голос. Вместо этого я понижал его так, что он проникал собеседнику даже не в уши, а под кожу.

– Уверена, что хочешь продолжать? Что, нашла подходящий момент и решила соскочить? Я ведь серьезно спрашиваю. Я говорю тебе, что не знаю своего отца, а ты начинаешь задумываться о наших отношениях? Я тебе не рассказывал раньше только потому, что к нам это никак не относится.

– Ты с ума сошел, – сказала Селестия. В отражении мутного зеркала ее лицо было злым и напряженным.

– Видишь теперь, почему я тебе не рассказывал раньше. Ты говоришь, что не знаешь меня потому, что я не предоставил тебе свой полный генетический профиль. Да ты ничем не лучше этих обывателей!

– Проблема в том, что ты мне не сказал раньше. Мне все равно, знаешь ты, кто твой отец, или нет.

– Кто тебе сказал, что я не знаю, кто он? Ты на что сейчас намекаешь? Что моя мать не знала, от кого залетела? Ты серьезно сейчас? Об этом хочешь поговорить?

– Не придирайся к словам. Это у тебя нашелся секрет размером с Аляску.

– Да что тебе еще надо? Моего биологического отца зовут Отаниел Дженкинс. Все, больше ничего нет. Сейчас ты знаешь обо мне все. И это секрет размером с Аляску? Скорее, с Коннектикут. Даже поменьше, может, с Род-Айленд.

– Не паясничай, – сказала она.

– Слушай, есть в тебе сострадание? Подумай, Оливии и семнадцати лет не исполнилось. Он был гораздо старше ее, он просто ей воспользовался.

– Меня больше волнуют наши отношения. Мы женаты. Женаты. Мне вообще наплевать, как его зовут. Ты думаешь, меня интересует, с кем твоя мать...

Я повернулся, чтобы взглянуть на нее прямо, не через зеркало. Увидев ее лицо, я испугался: она прикрыла глаза и сжала губы, готовясь что-то сказать, но я подсознательно понял, что не хочу это слышать.

– 17 ноября, – сказал я, прежде чем она смогла закончить мысль.

У других пар кодовые слова были заготовлены на случай, чтобы остановиться во время жесткого секса, а мы их использовали, чтобы остановиться во время жесткой ссоры. Если один из нас произносил «17 ноября», любой разговор должен был остановиться на пятнадцать минут. Я пустил этот прием в ход потому, что понял: если она еще что-нибудь скажет про мою маму, один из нас неизбежно скажет то, что мы уже не сможем пережить.

Селестия вскинула руки:

– Хорошо. Пятнадцать минут.

Я встал и взял пластиковое ведро для льда.

– Пойду льда принесу.

Пятнадцать минут – это, в принципе, куча времени. Я знал, что как только выйду за дверь, Селестия позвонит Андре. Они познакомились еще в детском манеже, когда были такими маленькими, что даже сидеть не умели. Так они и скорешились, как брат и сестра. Я с Дре познакомился в колледже, собственно,

это он меня с Селестией и познакомил.

Пока она выпускала пар с Дре, я поднялся на этаж выше, поставил ведро в автомат и нажал на рычаг. Кубики прерывисто падали в ведро, я ждал, и тут ко мне подошла женщина. Ровесница Оливии, грузная, с добрым лицом и ямочками на щеках. Плечо у нее было замотано эластичной тканью. «Разрыв плечевой манжеты», – объяснила она и добавила, что вести машину, конечно, трудно, но у нее в Хьюстоне внук, которого она хотела поддержать здоровой рукой. Оставаясь джентльменом, каким меня воспитала мама, я помог ей донести лед до комнаты, в 206-й номер. Из-за травмы ей было трудно открывать окно, поэтому я приподнял раму и подложил под нее Библию. Оставалось еще семь минут, я пошел в ванную поиграть в сантехника и починил сливной бачок, который шумел, как Ниагара. Перед уходом я предупредил ее, что дверная ручка разболталась и, когда я уйду, ей нужно будет перепроверить, закрыта ли дверь. Она поблагодарила меня, я называл ее «мэм». На часах было 20.48. Я запомнил, потому что как раз посмотрел на время, чтобы понять, можно ли уже возвращаться в номер.

Я постучал в дверь нашего номера в 20.53. Селестия сделала коктейли из водки и клюквенного сока. Она погрузила руку в ведро, достала лед и положила нам по три кубика. Потом слегка потрясла стаканы, чтобы охладить напитки, и протянула мне свою красивую руку.

Больше таких радостных вечеров у меня не будет еще очень долго.

Селестия

Память – существо странное. Хранитель с причудами. Я до сих пор вспоминаю ту ночь, хотя уже не столь часто, как раньше. Сколько можно прожить так, глядя назад через плечо? И неважно, что там говорят другие, меня память не подводит. Думаю, никто никого не подводит.

Когда я говорю, что этот «Сосновый лес» до сих пор является мне наяву, я не пытаюсь оправдаться. Это действительно так. Как там пела Арета? Женщинам трудно. Как и всем нам... Они слабы, под стать своим парням[13 - Слова из песни Ареты Франклин Do Right Woman, Do Right Man.]. Так и есть.

Мне жаль, что в ту ночь мы ссорились так сильно из-за его родителей и всего остального. До свадьбы мы ругались и сильнее, когда пытались играть в любовь, но то были битвы за наши отношения. А в «Сосновом лесу» мы сцепились из-за прошлого, а честной такая схватка не бывает. Зная то, чего не знала я, Рой произнес «17 ноября» и остановил время. Когда он вышел из номера с ведерком для льда, я была рада, что он ушел. Я набрала номер Андре, он взял трубку через три гудка. Мой как всегда разумный и деликатный друг успокоил меня.

– Не дави на Роя. Если будешь скандалить каждый раз, когда он захочет тебе открыться, то он будет вынужден врать.

– Но, – сказала я, не желая сдаваться, – он даже не...

– Ты знаешь, что я прав, – сказал Андре без лишнего самодовольства. – Но ты не знаешь, что сегодняшний вечер я провожу в обществе одной дамы.

– Упс. Pardon moi, – ответила я, радуясь за друга.

– Жиголо тоже бывает одиноко.

Повесив трубку, я еще долго улыбалась.

Улыбка осталась на моих губах и когда Рой вошел в дверь, держа в руках ведерко со льдом, как букет роз. К тому времени мой гнев уже начал остывать, как забытая чашка с кофе.

– Прости меня, Джорджия, – сказал он, взяв у меня стакан с коктейлем. – Правда не давала мне покоя. Только представь, каково мне: у тебя идеальная семья. Отец миллионер.

– Он не всегда был богат, – ответила я. Эту фразу я произносила минимум раз в неделю. До того как папа продал формулу апельсинового сока, мы жили, как и любая другая семья в Каскад Хайтс, – по американским меркам мы были средним классом, по меркам черных американцев – выше среднего. У меня не было ни прислуги, ни частной школы, ни вкладов в банке. Только отец и мать, оба с высшим образованием, оба на хорошей работе.

– Ну, я с тобой познакомился, когда ты уже была дочкой богача.

– Миллион долларов – это еще не супербогатый. Тем, кто действительно богат, вообще не надо работать.

– Супербогатый, среднебогатый, псевдобогатый – для меня разницы нет, мне любой богач кажется богатым. А я что должен был сделать? Заявиться в ваш дворец и рассказать твоему отцу, что я своего папочку в жизни не видел? Исключено.

Рой подошел ко мне на шаг ближе, и я тоже подвинулась к нему.

– Никакой это не дворец, – сказала я мягко. – И я тебе уже говорила, что мой дед работал на чужой земле и платил владельцу оброк урожаем. Так что мой отец – сын крестьянина. Да еще из Алабамы.

Когда речь заходила о состоянии моей семьи, я всегда терялась, хотя за год уже должна была выучить эту нервную песню. Еще до свадьбы мама меня предупреждала, что мы с Роем из разных миров. Она сказала, мне придется его убеждать, что мы с ним «из одного теста». Меня рассмешило это выражение, я пересказала наш разговор Рою и пошутила про пирог, но у него на лице не было тени улыбки.

– Но сейчас твой отец ни с кем урожаем не делится, Селестия. И мама тоже. Я не хотел, чтобы они смотрели на Оливию как на малолетнюю мать, которую выкинули на улицу. Я бы ни за что на свете не выставил ее в таком свете.

Я придвинулась к Рою, взяла его лицо в руки, и его голова легла в изгиб моей ладони.

– Рой, – сказала я, приблизив губы к его ушам, – мы тоже не похожи на идеальную семью из старого сериала. Ты же знаешь, что папа женат на маме вторым браком.

– Меня это должно шокировать или что?

– Потому что ты не знаешь всей правды, – я вдохнула и быстро, прежде чем успела все обдумать, выдавила из себя слова. – Мои родители сошлись еще до того, как папа развелся.

– В смысле он уже разошелся с женой... или нет?

– В смысле моя мама была его любовницей. Довольно долго. Кажется, года три. У них была светская церемония во дворце правосудия, потому что священник отказался их венчать, – я видела фотографии. Лето, разгар свадебного сезона, мама в белом костюме с серым отливом и шляпке-таблетке с вуалью. Папа – молод и взволнован. В их улыбках читается лишь непринужденная преданность друг другу, и ничего кроме. Меня на фото не видно, хотя я там тоже есть, прячусь за маминым желтым букетом из хризантем.

– Черт, – сказал Рой, тихонько присвистнув. – И подумать не мог, что мистер Д. на такое способен. А Глория...

– Не говори ничего про мою маму, – сказала я. – Ты не будешь ничего говорить про мою, а я не буду ничего говорить про твою.

– Я Глорию ни в чем не виню. А ты ни в чем не винишь Оливию, так?

– А вот папу есть в чем винить. Глория рассказывала, они провстречались целый месяц, прежде чем он сказал ей, что женат.

Мама рассказала эту историю, когда мне было восемнадцать. Я тогда отчислилась из университета Говарда из-за одного мутного романа. Мама помогала мне запечатывать картонные коробки и вдруг сказала: «Любовь – враг разумных решений, но иногда это даже к лучшему. Когда мы с твоим папой познакомились, он еще был связан определенными обязательствами». Думаю, она тогда впервые обратилась ко мне как женщина к женщине. Мы дали друг другу немую клятву хранить молчание, и до того дня я оставалась ей верна.

– Подумаешь, месяц. Не так уж и много, она еще могла уйти от него, – сказал Рой. – Ну, если хотела, конечно.

– Она как раз не хотела, – ответила я. – Глория мне рассказывала, что за месяц она уже необратимо влюбилась в моего отца, – рассказывая эту историю Рою, я подражала тону, который моя мать использовала на публике – четкой речи хорошего оратора, а не надтреснутому голосу, который поведал мне об этом впервые.

– В смысле? – переспросил Рой. – Необратимо? У него что, гарантия истекла через тридцать дней и его не приняли назад?

– Глория сказала, что, осмысляя это сейчас, она рада, что отец ничего ей не сказал – она бы никогда не стала встречаться с женатым мужчиной, а папа оказался любовью всей ее жизни.

– Это я могу понять, – Рой приложил мою руку к губам. – Бывает, тебе нравится, где ты в итоге оказался, и уже наплевать, как ты туда попал.

– Нет. Путь тоже имеет значение. Если послушать маму, то папина ложь была для ее же блага. Но я не хочу радоваться, что меня обманули.

– Справедливо, – сказал Рой. – Но посмотри на это под другим углом. Если бы твой папа не соврал, тебя бы тут сейчас не было. А если б не было тебя, где был бы я сам?

– И все равно мне эта ситуация не нравится. Я хочу, чтобы между нами все было чисто. Я не хочу, чтобы наш ребенок унаследовал от нас наши секреты.

Рой победно взмахнул сжатой в кулак рукой.

– Ты сама слышала, что ты сказала?

– Ты о чем?

– Ты сказала «наш ребенок».

– Рой, пожалуйста. Услышь меня.

– Не отнекивайся! Ты сказала «наш ребенок».

– Рой. Я серьезно. Больше никаких секретов, ладно? Если у тебя есть еще что-то, признайся сейчас.

– Больше ничего.

И так мы помирились, как и много раз до этого. Об этом тоже есть песня: Ссоримся и миримся, и больше ничего[14 - Слова из песни Break Up To Make Up соул-группы The Stylistics.]. Думала ли я тогда, что мы всегда будем следовать этому шаблону? Что мы так и состаримся вместе, обвиняя и прощая друг друга? Тогда я не знала, что такое навсегда. Может быть, я и сейчас не знаю. Той ночью, в «Сосновом лесу» наш брак казался мне изысканным гобеленом, хрупким, но пригодным к ремонту. Мы часто его рвали, но всегда латали дыры шелковой нитью – красиво, но не слишком надежно.

Мы забрались на маленькую кровать, слегка окосев от моих коктейлей на скорую руку. Решив, что покрывало выглядит подозрительно, мы сбросили его на пол и легли лицом к лицу. Лежа на кровати, я обводила его брови пальцем и думала о своих родителях и даже о родителях Роя. Эти семьи были сотканы из менее утонченной, но более долговечной ткани, вроде той, из которой шьют мешки сборщики хлопка. В ту ночь, в нашем крохотном номере, мы с Роем наслаждались переплетением наших чувств и ощущали себя выше родителей. Я стыжусь этих воспоминаний, кровь и поныне жжет мне лицо, хотя я только вспоминаю о прошлом.

Тогда я не знала, что наши тела могут предчувствовать будущее, и, когда мои глаза вдруг наполнились слезами, я подумала, что это неожиданное действие сильных переживаний. На меня иногда могли так нахлынуть чувства, когда я выбирала ткани или готовила – я вдруг вспоминала о Рое, его кривую походку, или как он тогда повалил грабителя на землю (и поплатился за это столь ценным передним зубом). Когда воспоминания накатывали на меня, где бы я ни была, на глазах у меня выступали слезы, но я списывала это на аллергию или на плохую тушь. Так что, когда в ту ночь переживания наполнили мои глаза слезами и перехватили мне горло, я подумала, что это страсть, а не дурное предчувствие.

Готовясь к поездке, я думала, что мы будем ночевать дома у его мамы, и не стала класть изящное нижнее белье. Вместо этого в ту ночь на мне была белая комбинация, но для прелюдии сойдет и она. Рой улыбнулся мне и сказал, что

любит меня. Его голос дрогнул, будто силы, которые овладели мной, подействовали и на него. Тогда, будучи молодыми и глупыми, мы списали все на страсть – ею мы наслаждались в избытке.

Так мы и лежали, без сна и без сил, пребывая в пограничном состоянии, где чувства успокаиваются и возможно все. Я села в кровати и вдохнула запахи ночи: речной ил, мыльную отдушку и запах Роя, след его внутренней химии, и затем мой запах. Эти ароматы въелись в волокна наших простыней. Я наклонилась к нему и поцеловала его веки. Я думала, что мне повезло. Но повезло не в том смысле, какой в это слово вкладывали незамужние женщины: они напоминали мне, как мне повезло в наши дни найти способного на брак мужчину. И не в том смысле, который в это слово вкладывали журнальные статьи: они сокрушались, что приличных черных мужчин уже почти не осталось, и приводили длинный список непригодных кандидатов: умер, сидит, женат на белой, гей. Разумеется, мне повезло и в этом отношении тоже, но в браке с Роем я чувствовала себя счастливой в более старомодном смысле – когда находишь человека, чьим запахом ты наслаждаешься.

В ту ночь мы любили друг друга так рьяно потому, что знали, что нас ждет, или нет? Почувствовали ли мы сигнал тревоги из будущего, яростный звон беззвучного колокола? Вызвал ли этот отчаянный колокол тот порыв, который и заставил меня поднять с пола комбинацию и надеть ее? Не из-за этого ли неуловимого предостережения Рой повернулся и прижал меня к себе тяжелой рукой? Он бормотал что-то во сне, не просыпаясь.

Хотела ли я ребенка? Лежала ли я в кровати, представляя, как сгусток клеток внутри меня делится, делится и делится, и вот я – мать, Рой – отец, а Рой-старший, Оливия и мои родители – бабушки и дедушки. Я действительно размышляла, что происходит внутри меня, но не могу сказать, что ждала именно этого. Можно ли избежать материнства, если ты абсолютно здоровая женщина и замужем за абсолютно здоровым мужчиной? В колледже я волонтерила в образовательной организации и преподавала малолетним матерям. Работа была тяжелая и неблагодарная, потому что девушки редко получали дипломы. Как-то раз, когда мы пили эспрессо с круассанами, мой инспектор сказал мне: «Рожай и спасай нацию!» Он улыбался, но не шутил. «Если такие девушки заводят детей, а такие, как ты, не выходят замуж и не рожают, что станет с нашим народом?» Не задумываясь, я пообещала внести свой вклад.

Я не хочу сказать, что не хотела быть матерью. Я просто не хочу сказать, что хотела. Я хочу сказать, что была уверена – мой счет мне выставят вовремя.

Рой спал спокойно, а я тревожилась. Я закрыла глаза, но еще не спала, когда дверь распахнулась. Я знаю, что ее выбили, хотя в протоколе сказано, что они взяли ключ на стойке и открыли дверь, как полагается. Но до правды уже не добраться. Я помню, как мой муж спал в нашем номере, а женщина на шесть лет старше его матери рассказывала, как она ненадолго задремала у себя в 206-м – волновалась из-за ненадежного замка на двери. Она говорила себе, что переживает зря, но не могла заставить себя закрыть глаза. Еще не было полночи, когда мужчина повернул ручку двери, зная, что у него получится открыть замок. Было темно, но она думает, что узнала Роя – мужчину, которого она встретила у автомата со льдом. Того, кто рассказал ей, что поссорился с женой. Она сказала, что мужчина не впервые подчинил ее себе, но больше она такого не допустит. Может, Рой и хитер, сказала она, может, телевизор и научил его путать следы, но память ей он не сотрет. Но и мою память она не сотрет. Всю ту ночь Рой провел со мной. Она не знает, кто ее изнасиловал, но я-то знаю, за кого вышла замуж.

Я вышла замуж за Роя Отаниеля Гамильтона, которого впервые встретила в колледже. Мы сошлись не сразу. Он тогда мнил себя сердцеедом, а мне даже в девятнадцать не хотелось доверять кому-то свое сердце. Я перевелась в Спелман[15 - Частный женский колледж высшей ступени, один из наиболее известных исторически черных колледжей в США. Находится в Атланте.] после катастрофы, которая разразилась на первом курсе Говардского университета[16 - Американский частный т. н. исторически черный университет.] в Вашингтоне. Вот тебе и учеба вдали от дома. Мама настаивала, что именно в университете я заведу новых, по-настоящему верных друзей, но я сблизилась только с Андре, парнем, который вырос в соседнем доме. Наша дружба началась, когда нам было по три месяца и мы вместе купались в кухонной раковине.

Андре и познакомил меня с Роем, хоть это и произошло случайно. Они с ним жили через стену в общежитии имени Турмана в дальнем конце кампуса. Я часто оставалась на ночь в комнате Андре – строго платонические ночевки, хоть нам никто и не верил. Он спал на покрывале, а я лежала, свернувшись, под одеялом. Сейчас об этом говорить уже нет смысла, но так у нас с Дре всегда было заведено.

Прежде чем мы с Роем познакомились лично, его имя со страстным придыханием произнес голос через стену от нас. Рой. Отаниель. Гамильтон.

Андре спросил:

– Как думаешь, он ее специально попросил это сказать?

Я хрюкнула:

– Отаниель?

– Не похоже, что это у нее случайно вырвалось.

Мы хихикали, а двуспальная кровать глухо стучала в стену.

– Думаю, она притворяется.

– Тогда и остальные тоже притворяются.

Лицом к лицу с Роем я столкнулась только через месяц. Я снова была в комнате у Андре. Рой пришел часов в десять утра, чтобы стрелкнуть мелочи на стирку. Он обошелся без учтивостей вроде стука в дверь: «О, прошу прощения», – сказал он, зайдя в комнату. Но его извинения прозвучали как удивленный вопрос.

– Моя подруга, – сказал Андре.

– На самом деле подруга или...? – спросил Рой, тут же наращивая обороты.

– Если хочешь знать, кто я, спроси меня, – вид у меня был еще тот: бордовая с белым футболка Андре, волосы забраны под сатиновую шапочку для сна. Но нужно было постоять за себя.

– Ладно, и кто ты есть?

– Селестия Давенпорт.

– А я Рой Гамильтон.

– Рой Отаниель Гамильтон, если верить тому, что я слышала через стену.

А потом мы просто уставились друг на друга, силясь понять, что нам обещает эта встреча. Наконец, Рой отвел взгляд и попросил у Андре четвертак. Я перевернулась на живот, согнула ноги в коленях и скрестила лодыжки.

– А ты интересная, – сказал Рой.

Когда он ушел, Андре сказал:

– Знаешь, он ведь только притворяется таким простаком.

– Я заметила.

В Рое таилась некая угроза, а я после истории в Говарде категорически не хотела ничего угрожающего.

Думаю, тогда просто время еще не пришло. Следующие четыре года я не говорила с Роем и не думала о нем – к тому моменту колледж вспоминался мне как старая фотография из другого столетия. Но, когда мы снова встретились, изменился даже не он сам. Просто то, что раньше казалось мне опасным, теперь стало казаться «настоящим», и именно этого я страстно жаждала.

Но что такое «настоящее»? Невзрачное первое впечатление? Или день, когда мы обрели друг друга вновь, почему-то именно в Нью-Йорке? Или все началось по-настоящему в день нашей свадьбы? Или когда прокурор Богом забытого города заявил, что Рой может скрыться от правосудия? Судья посчитал, что, хоть родина подозреваемого – Луизиана, сейчас он живет в Атланте, а потому не может быть отпущен под залог или поручительство. Услышав решение суда, Рой едко хохотнул: «Так что, на родину всем плевать?»

Наш адвокат, друг семьи, но от этого не менее щедро оплачиваемый, заверил, что мужа я не потеряю. Дядя Бэнкс заявлял ходатайства, предоставлял документы и направлял возражения. Но, несмотря на это, Рой провел за

решеткой сто дней, прежде чем предстал перед судом. Месяц я жила в Ило с родителями мужа, спала в комнате, которая могла спасти нас от всех бед. Я ждала и шила. Звонила Андре. Звонила родителям. Когда пришла пора отправлять куклу мэру, я не смогла заставить себя запечатать створки коробки из плотного картона. Рой-старший сделал это за меня, и звук отрываемого скотча не давал мне уснуть в ту ночь и еще много ночей подряд.

– Если все пойдет не так, как надо, не жди меня. Я этого не хочу, – сказал Рой за день до суда. – Шей кукол и поступай так, как посчитаешь нужным.

– Все пойдет так, как надо, – заверила я его. – Ты невиновен.

– Срок мне грозит серьезный. Не хочу, чтобы ты загубила свою жизнь из-за меня, – его глаза и губы говорили противоположные вещи. Как человек, который говорит «нет», а сам кивает.

– Никто не собирается никого губить, – сказала я. Тогда я еще не потеряла веру. Я верила в лучшее.

Андре тоже приехал на суд. Он был свидетелем со стороны невесты на свадьбе и свидетелем защиты в суде. Перед слушанием он попросил меня подстричь его и дал мне ножницы. Я стала пилить дреды, которые он отращивал четыре года. На нашей свадьбе они стояли стоймя, как непокорная поросль, но, когда я обрезала дреды, на волосы, наконец, подействовала гравитация и они повернулись к воротнику. Когда я закончила, Андре провел рукой по неровным завиткам, которые теперь покрывали его голову.

На следующий день мы расселись в зале суда – все, и мои родители, и родители Роя, нарядились так, чтобы выглядеть как можно более невинно. Оливия надела воскресный костюм, рядом с ней сидел Рой-старший в наряде честного бедняка. Мой отец, как и Андре, подстригся и впервые в жизни, сидя рядом со своей элегантной женой, он был «из одного с ней теста». При взгляде на Роя бросалось в глаза, как он похож на нас. И дело было даже не в покрое его пальто и не в том, как кромка его брюк ложилась на ботинки из дорогой кожи. А дело было в его чисто выбритом лице, в невинных, полных страха глазах – он явно не привык находиться во власти судьи.

Рой усох, пока сидел в следственной тюрьме. Пропала детская округлость лица, уступив место агрессивному подбородку, о котором я и не подозревала. Удивительно, но худоба подчеркивала его силу, а не слабость. И только одна деталь выдавала в нем обвиняемого, а не офисного служащего – его несчастные пальцы. Он сгрыз ногти до основания и уже перешел к кутикулам. Так что единственным, чему мой честный муж действительно причинил вред, были его собственные руки.

Я знаю наверняка: они мне не поверили. Двенадцать человек, и ни один из них не поверил моим словам. Стоя в зале суда, я объясняла, что Рой никак не мог изнасиловать женщину из 206-го номера, потому что ночью он находился рядом со мной. Я рассказывала им про сломанную виброкровать, про фильм, который мы смотрели по телевизору с помехами. Прокурор спросил, из-за чего мы поссорились. В замешательстве я обернулась к Рою и нашим матерям. Бэнкс заявил возражение, и мне не пришлось отвечать, но молчание все повернуло так, будто я пытаюсь скрыть гниль, поселившуюся в сердце молодой семьи. Я знала, что подвела его, когда еще только шла к кафедре рядом с судьей. Возможно, я выглядела недостаточно трогательно. Не впечатляюще. Слишком нездешней. Хотя кто знает. Наставляя меня, дядя Бэнкс сказал: «О словах не думай. Выключись. Отбрось все, говори сердцем. Неважно, какие вопросы они задают, присяжные должны увидеть, почему ты за него вышла».

Я пыталась, но с незнакомцами мне подвластна только «хорошая речь». Надо было принести в суд выборку моих работ: серию «Человек в движении», все работы с Роем: куклы, несколько акварелей, мрамор. Надо было сказать: «Вот что он для меня значит. Видите эту красоту? Эту нежность?» Но я располагала только словами, бесплотными и хрупкими, как воздух. Когда я вернулась на свое место рядом с Андре, на меня не смотрел никто из присяжных, даже чернокожая женщина.

Оказывается, я слишком много смотрю телевизор. Я-то ждала, что показания будет давать судмедэксперт, который расскажет про ДНК. Я ждала, что в последнюю минуту в зал заседания ворвутся два харизматичных следователя и сообщат срочную новость на ухо прокурору. Все увидят, что произошла огромная ошибка, чудовищное недоразумение. Мы переживем страшное потрясение, но все уладится. Я искренне верила, что выйду из зала суда с мужем. Оказавшись дома, в безопасности, мы станем рассказывать всем, что в Америке каждый чернокожий находится в постоянной опасности.

Ему дали двенадцать лет. Когда он выйдет на свободу, нам будет по сорок три года. Я не могла даже представить себя сорокатрехлетней. Рой тоже осознал, что двенадцать лет – это целая вечность, и расплакался, стоя за столом в зале суда. Ноги у него подкосились, и он рухнул на стул. Судья остановился и потребовал, чтобы Рой выслушал приговор стоя. Он стоял и плакал, но не как ребенок, а как может рыдать только взрослый мужчина: плач начинался от кончиков пальцев, шел через все тело и вырывался изо рта. Когда мужчина так рыдает, он проливает все слезы, которые его заставляли прятать: слезы из-за неудачи в детской секции по бейсболу, несчастной подростковой любви – туда вливается все, даже то, что обидело его в прошлом году.

Рой выл, а мои пальцы теребили загрубевшее пятнышко кожи под подбородком – шрам-напоминание о той ночи. Когда дверь то ли выбили (как говорит мне моя память), то ли открыли ключом-картой (как говорят все остальные), когда дверь открылась неважно каким способом, нас выдернули из кровати. Роя поволокли на парковку, а я, в одной комбинации, ринулась за ним. Кто-то повалил меня на землю, я ударилась об асфальт подбородком. Комбинация задралась, все увидели мое все, а зуб вошел в мякоть нижней губы. Рой лежал на асфальте рядом со мной – почти можно дотянуться рукой – он произносил какие-то слова, но они до меня не долетали. Не знаю, сколько мы там лежали, ровно, как две могилы. Муж. Жена. Что Бог сочетал, того человек да не разлучает.

Дорогой Рой,

Я пишу тебе письмо, сидя за кухонным столом. Я одна, и это значит больше, чем то, что я – единственный человек в этом доме. До сегодняшнего дня я полагала, что знаю границы возможного и невозможного. Быть может, в этом и состоит невинность – в неумении предвидеть будущую боль. Когда случается нечто, превосходящее границы вообразимого, человек необратимо меняется. Разница примерно как между сырым яйцом и омлетом – вроде бы одно и то же, но на самом деле совсем нет. Это лучшее сравнение, которое приходит мне в голову. Я смотрю в зеркало, вижу себя, но себя не узнаю.

Порой у меня нет сил даже переступить порог этого дома. Я успокаиваю себя, вспоминаю, что жила одна и прежде. Спала в пустой кровати и осталась жива. Останусь и сейчас. Но, пережив потерю, я обрела новое понимание любви. Наш дом не пуст – он опустошен. Любовь занимает часть твоей жизни, занимает

место в постели, занимает место в твоём теле, вмешиваясь в бег кровяных телец, пульсируя у самого сердца. Когда любовь забирают, целостность восстановить невозможно.

До нашей встречи я не была одинока. Но сейчас мне настолько одиноко, что я разговариваю со стенами и пою потолку.

Мне сказали, что первый месяц тебе не будут доставлять почту. Но я все равно буду писать тебе каждый день.

Твоя Селестия

Рой О. Гамильтон-мл.

PRA 4856932

Письмо может быть просмотрено

Исправительный центр Парсон

Проезд Лодердейл Вудьярд, 3751

Джемисон, Луизиана, 70648

Дорогая Селестия (она же Джорджия),

Думаю, в последний раз я писал кому-то письмо в старшей школе, когда подписался на дружбу по переписке с французом (меня хватило минут на десять). И я точно знаю, что никогда не писал любовных писем. А это письмо будет именно таким. О любви.

Селестия, я люблю тебя. Я скучаю по тебе. Я хочу вернуться в наш дом. Но все это ты уже знаешь. Я пытаюсь написать такие слова, которые заставят тебя вспомнить меня – настоящего меня. А не тот захолустный, рассыпающийся от старости зал суда и человека, который, стоя там, тоже рассыпался. Мне было так

стыдно, что я не смог повернуться к тебе. Но сейчас я об этом жалею. Я бы все отдал за еще один взгляд.

Мне непросто писать о любви. Я ведь никогда и не держал в руках таких писем, если не считать записки лет в девять: «Я тебе нравлюсь __да __нет» (на этот вопрос можешь не отвечать, ха!). Когда пишешь о любви, надо подражать музыке или Шекспиру, но я про Шекспира ничего не знаю. Но на самом деле я хочу написать, как много ты для меня значишь, но это все равно что считать секунды в дне, загибая пальцы ног и рук.

И почему я раньше не писал тебе писем? Хоть бы потренировался и знал, о чем писать сейчас. Вот какое чувство не покидает меня в тюрьме – я не знаю, что и как мне делать.

Я всегда старался сделать все, чтобы ты знала, насколько мне дорога. Папа объяснил мне, как нужно заботиться о женщине. Помнишь, когда ты была на грани нервного срыва потому, что дерево гикори у нас перед домом собралось помирать? Там, откуда я родом, мы и на домашних животных не очень-то тратимся. Но я не мог смотреть на твои слезы и вызвал доктора по деревьям. Понимаешь, для меня этот поступок и был чем-то вроде любовного письма.

Когда мы поженились, я первым делом взял на себя роль «кормильца», как раньше говорили. Чтобы ты не тратила свое время и талант на подработки. Ты хотела шить, и я сделал все, чтобы ты могла сидеть дома и шить. И это тоже было любовным письмом. Таким образом я хотел сказать: «Я обо всем позабочусь. Занимайся творчеством. Отдыхай. Делай то, что считаешь нужным».

А теперь у меня есть только бумага и поганая ручка. Ручка шариковая, но у меня забрали корпус и оставили только наконечник и стержень с чернилами. Я смотрю на это и думаю: «Вот что теперь остается мужу, чтобы заботиться о своей жене?»

Но я пытаюсь.

С любовью,

Рой

Дорогая Джорджия,

Привет тебе с Марса! И я не шучу. Тут все корпуса называются как планеты (чистая правда, я бы такое в жизни не выдумал). Вчера я получил твои письма – все до последнего. Как я был рад. Счастлив. Не знаю, с чего начать свое письмо.

Я не пробыл тут и трех месяцев, а у меня уже сменились три сокамерника. Мой нынешний сосед говорит, что я с ним надолго – звучит так, будто охранники ему что-то сболтнули. Его зовут Уолтер, он просидел в тюрьме большую часть сознательной жизни, так что здешние порядки он знает хорошо. Я помогаю ему писать письма, но не задаром. Не подумай, что я такой расчетливый, но если ты в тюрьме сделаешь что-то бесплатно, тебя просто перестанут уважать (это я узнал, еще когда сам стал работать, а здесь это раз в десять важней). Денег у Уолтера нет, так что он платит мне сигаретами. (Ладно, не смотри так! Я тебя знаю. Я не курю, а обмениваю их на лапшу, клянусь тебе.) Письма, которые я пишу для Уолтера, он отправляет женщинам с сайтов знакомств. Ты не представляешь, сколько готовы переписываться с заключенными (только не ревнуй, ха-ха!). Иногда я злюсь, потому что по вечерам не могу уснуть из-за его вопросов. Уолтер говорит, он жил в Ило, и без конца расспрашивает меня, как там сейчас. Я сказал ему, что поступил в колледж и уехал оттуда. На это он ответил, что в жизни не был в кампусе, и теперь просит меня рассказать ему все и о колледже тоже. Он даже спросил, почему меня так называли, хотя я вроде бы никакой не Патрис Лумумба[17 - Патрис Эмери Лумумба – национальный герой Демократической Республики Конго, поэт и один из символов борьбы народов Африки за независимость.] и рассказывать тут нечего. Оливия бы сказала, что Уолтер тот еще «типчик». Мы его называем «Гетто Йодой» – он очень любит пофилософствовать. Один раз я случайно назвал его «Сельским Йодой», и он жутко разозлился. Клянусь, у меня случайно вырвалось, и впредь я буду внимательнее. Но мы с ним ладим. Он за мной приглядывает – говорит, что «кривоногим парням нужно держаться вместе» (видела бы ты его ноги – хуже моих).

Вот такая у нас тут атмосфера. Больше и рассказать нечего (или больше тебе просто не стоит знать). О подробностях не расспрашивай. Просто остановимся на том, что тут плохо. Даже убийце хватит тут максимум пары лет. Пожалуйста, скажи своему дяде, чтобы он работал побыстрее.

В тюрьме очень часто хочется остановиться и сказать: «Интересно...» Например, у нас в учреждении числится пятнадцать тысяч человек (в основном черных) – столько же, сколько студентов в Морхаузе. Не подумай, что я какой-то чокнутый адепт теории заговоров, но просто сложно удержаться от таких мыслей. Во-первых, в тюрьме куча реперов, которые называют себя учеными и вечно всех поучают. Во-вторых, порядки тут настолько извращенные, что их наверняка кто-то специально извратил. Мама тоже пишет мне письма – ее теорию ты знаешь: «дьявол без дела не сидит». Папа считает, что виноват Клан. Возможно, не прямо сам Клан с капюшонами и крестами, а скорее АмериКККа[18 - Ку-клукс-клан, сокращенно КKK – ультраправая организация в США, отстаивавшая такие идеи, как превосходство белых, белый национализм.]. Сам я не знаю, что и думать. Я думаю, что я скучаю по тебе.

Мне, наконец, разрешили составить список посетителей. Ты – номер один. Селестия ГЛОРИАНА Давенпорт (нужно вписать полное имя, как в документах). Я и Дре впишу – у него есть второе имя? Наверняка что-то библейское, какой-нибудь Илия. Дре мне брат, но давай ты в первый раз приедешь без него? А пока не забывай слать мне письма. И как я мог забыть, что у тебя такой красивый почерк. Если вдруг решишь бросить искусство, с таким почерком тебя легко возьмут в учительницы. Когда пишешь, налегай на ручку посильнее, так бумага становится выпуклой.

Ночью, когда гасят свет – хотя полностью его никогда не гасят: просто делают слишком темно, чтобы читать, и слишком светло, чтобы действительно спать, – в общем, когда становится темнее, я вожу пальцем по твоим письмам и пытаюсь их читать, будто они написаны Брайлем. (Романтично, да?)

И спасибо, что посылаешь мне деньги. Тут приходится покупать все необходимое. Нижнее белье, носки. Все, что делает жизнь в тюрьме чуть лучше. Я ни на что не намекаю, но мне пригодились бы радио-часы. Ну и, разумеется, немного скрасить мою жизнь может свидание с тобой.

С любовью,

Рой

P.S. Когда я только начал звать тебя Джорджией, я знал, что ты скучаешь по дому. Теперь я тебя так называю потому, что скучаю по дому я, и мой дом – это ты.

Дорогой Рой,

Когда ты получишь это письмо, мы с тобой уже увидимся – я отправлю его по дороге из города. Андре заправил полный бак, машина набита едой. Правила посещения я выучила почти наизусть. Там очень подробно расписаны требования к одежде. Меня особенно рассмешило, что там «строго запрещены брюки-гаучо и кюлоты». Готова поспорить, ты даже не знаешь, что это. Помню, они были жутко модными, когда мне было лет девять. К счастью, эта мода прошла и не вернулась. В общем, общее правило такое: открытые части тела запрещены. Нельзя надевать лифчик на косточках, если не хочешь, чтобы металлодетектор запищал и тебя отправили домой. Я представляю, что мне предстоит пройти досмотр в аэропорту... по пути в женский монастырь. Но я готова.

Надо ли говорить, что я хорошо знаю эту страну и ее историю. Я даже помню, как к нам в Спелман приезжал бывший заключенный. Он провел в тюрьме несколько десятков лет по ложному обвинению. Ты был тогда? С ним вместе выступала женщина, которая первой его обвинила. Они оба ударились в религию и все такое. И хотя на той встрече они оба стояли прямо передо мной, эти мужчина и женщина представлялись мне каким-то уроком из прошлого, призраками из Миссисипи. Какое отношение они могут иметь к нам, студентам, собравшимся в часовне на обязательную внеклассную встречу? Сейчас я жалею, что не запомнила их слова. Я рассказываю тебе об этом потому, что знала и раньше: такое случается с людьми. Но «люди» не равно «мы с тобой».

Ты не вспоминаешь ту женщину, которая обвинила тебя в изнасиловании? Я бы очень хотела сесть и обо всем с ней поговорить. В тот день на нее кто-то напал. Не думаю, что она все выдумала – по голосу видно, что она говорит правду. Но этот кто-то – не ты. Сейчас она уже вернулась в Чикаго или куда там и теперь жалеет, что вообще заехала в Ило, штат Луизиана. Разделяю ее чувства. Но мне не нужно напоминать тебе об этом. Ты знаешь, где ты сейчас находишься, и знаешь, чего ты не совершал.

Бэнкс готовит первую апелляцию. Он говорит мне, что бывают ситуации и похуже. Часто бывает так, что человек сталкивается с законом, но его версию событий уже никто не услышит. Потому что его убили. Полицейский выстрел апелляция не отменит. Хоть тут нам повезло. Но и то не слишком.

Ты знаешь, что я молюсь за тебя? Чувствуешь, как я по вечерам опускаюсь на колени у кровати, будто я опять маленькая девочка? Я закрываю глаза, представляю тебя таким, каким ты был в ту ночь – воссоздаю тебя с ног до головы, до веснушек над бровями. У меня есть записная книжка, я туда записала все слова, что мы сказали друг другу, прежде чем уснуть в мотеле. Я записала их, чтобы, когда ты вернешься домой, мы начали с того места, где остановились.

Хочу признаться: я очень нервничаю. Знаю, что ситуации очень разные, но я вспомнила, как мы, только начав встречаться, пытались поддерживать отношения на расстоянии и ты купил мне билет на самолет. После всех волнительных разговоров по телефону и переписки я не знала, чего ждать от новой встречи. Конечно, все закончилось хорошо, но сейчас, когда я пишу это письмо, я испытываю схожие чувства. И хочу сказать кое-что заранее. Может быть, когда мы, наконец, увидим друг друга, между нами возникнет неловкость. Пожалуйста, помни: это лишь потому, что обстановка новая и я очень нервничаю. Ничего не изменилось. Я люблю тебя столь же сильно, как и в день нашей свадьбы. И всегда буду любить.

Твоя Селестия

Дорогая Джорджия,

Спасибо, что приехала ко мне. Я знаю, добираться было сложно. Когда я увидел тебя в зале для посетителей – ты выглядела просто шикарно и выделялась из толпы – я чуть не расплакался, как маленькая девочка. Впервые я был так счастлив встрече.

Я не стану врать. Мне было непривычно снова находиться рядом с тобой, когда вокруг так много людей. И на самом деле я был молчалив потому, что ты отказалась дальше это обсуждать, а я без конца об этом думал. Я не стал настаивать, чтобы не портить наше свидание. И оно не было испорчено. Я был очень рад тебя видеть. Уолтер потом меня весь день подкалывал, мол, я весь

свечусь, как рождественская ель. Селестия, прости, но я все же должен написать тебе о том, что меня волнует.

Я помню, что я сказал: я не хочу, чтобы моему сыну приходилось рассказывать про папу в тюрьме. Ты помнишь, я немного знаю про своего биологического отца: только имя и то, что он преступник. Но Рой-старший воспитывал меня как родного сына, и мне не пришлось носить на шее груз стыда, как огромные часы на цепочке. Хотя иногда, где-то в подсознании, я все-таки слышал, что они тикают. Я еще вспоминал про Мирона – парень рос с нами, его отец был родом из Анголы. Он был жутко мелкий, одевался в вещи, которые раздавала церковь. Один раз я увидел на нем свою старую куртку. У Мирона была кличка – Дива – потому что его отец был рецидивист. Он и сейчас отзывается на Диву, будто это его настоящее имя.

Но у нашего сына были бы мистер Д. и Глория, Андре, мои родители – целый город, чтобы заботиться о ребенке. Конечно, мы не знаем, мальчик это был или девочка, но я нутром чувствую, что мальчик.

Знаю, что вопросы причиняют тебе боль, но, возможно, если бы наша вера была крепче, все было бы по-другому? А что, если это была проверка? А если бы мы оставили ребенка? Может, я успел бы вернуться и увидеть, как покажется его головка и он родится в этот мир, лысый и невинный. А эта пытка превратится в историю. Мы расскажем ее, когда он станет старше, чтобы он знал, насколько осторожным должен быть черный мужчина в этих Соединенных Штатах. Но когда мы решили сделать аборт, мы будто смирились, что победы в суде ждать не стоит. Когда мы сдались, Бог тоже сдался. То есть он, конечно, никогда не сдается, но ты поняла, что я имею в виду.

Не отвечай на это. Только напиши, кто еще об этом знает? Это не имеет значения, просто мне хочется знать. Я вписал твоих родителей в список посетителей, и мне интересно, знают ли они, что мы сделали.

Джорджия, я знаю, у меня не получится заставить тебя говорить о том, о чем ты говорить не хочешь. Но ты должна знать, что эти мысли комком встали у меня в горле и я с трудом мог разговаривать.

И все же, как прекрасно было увидеть тебя снова. Я люблю тебя сильнее, чем могу написать.

Твой муж,

Рой

Дорогой Рой,

Да, ребенок. Да, я думаю о нем, но не все время. Невозможно сидеть с такими мыслями весь день. Но, когда я думаю о нем, я испытываю скорее грусть, нежели сожаление. Я понимаю, ты переживаешь, но, прошу тебя, никогда больше не пиши мне таких писем, как на прошлой неделе. Ты уже забыл, как выглядит следственная тюрьма? Пахнет мочой и хлоркой, кругом потерявшие надежду женщины и дети. Твое лицо посерело, будто тебя обсыпали пеплом. Руки загрубели, как кожа у крокодила, ладони потрескались и кровоточили, а тебе не давали крем. Ты уже обо всем этом забыл? Дядя Бэнкс даже передал тебе новый костюм, настолько сильно ты похудел, дожидаясь «ускоренного судебного разбирательства». Ты превратился в свой призрак.

Когда я сказала тебе, что беременна, хорошей новостью это не стало. Не прозвучало так, как должно было. Я думала, это встряхнет тебя. Вернет к жизни. И ты вернулся, но только для того, чтобы застонать в крепко сжатые кулаки. Помнишь, что ты сказал? Нет, нет, только не сейчас. Вот что ты сказал, сжав мою руку так крепко, что у меня закололо в пальцах. И я не поверю, что ты не это имел в виду.

Тогда ты ничего не рассказал ни про мальчика, которого звали Дивой, ни про своего настоящего отца. Но я разглядела лес за деревьями. А я всегда была уверена (а сейчас – особенно уверена) в одном: я не хочу быть матерью ребенка, рожденного наперекор воле отца. И твоя воля была мне ясна.

Знай, мне это решение было ненавистно. Как бы тебе ни было больно, помни, что через все это прошла именно я. Именно я была беременна. И именно я сделала аборт. Что бы ты ни чувствовал, подумай, что чувствую я. Ты говоришь, я не могу себе представить, каково это – сидеть в тюрьме. А ты не можешь себе представить, каково это – ехать в больницу и ставить на бумаге свою подпись.

Я пытаюсь справиться, как могу, с помощью работы. В последнее время я шью как сумасшедшая, до поздней ночи. Эти куклы напоминают мне о моей кукле,

которая была у меня в детстве. Мы с мамой поехали в «Бейбиленд» в Кливленде, где можно «удочерить» куклу. Тогда они были для нас немного дороговаты, но нам хотелось просто посмотреть. Когда мы увидели выставленные на продажу игрушки, я спросила: «Это такой летний лагерь для кукол?» А мама сказала, что это приют для сирот. Я была тепличной девочкой и даже не знала, что такое «сирота». Когда мама объяснила, я расплакалась и захотела забрать всех домой.

Я не думаю, что мои куклы – сироты. Они просто живут у меня в кабинете. Я уже сшила сорок две и планирую продавать их на ярмарках по себестоимости, долларов по пятьдесят за каждую. Эти куклы предназначены для детей, а не для коллекционеров. И, честно говоря, я хочу поскорей от них избавиться. Я не могу находиться в доме, чувствуя, как они постоянно на меня смотрят, но и остановиться я тоже не могу.

Ты спросил, кто знает. Ты спрашиваешь меня, кто знает, что я сделала аборт, или кто знает, что меня об этом попросил ты? Неужели ты думаешь, что я хожу по улице с плакатом? Общество считает, что если ты взрослая женщина и на счету у тебя больше десяти долларов, то причин не рожать у тебя нет. Но как я могу думать о материнстве, когда мой муж в тюрьме? Я знаю, ты невиновен, у меня нет ни малейших сомнений, но я также знаю, что тебя нет рядом. И это не игра, не учения и не кино. Я даже не задумывалась, что со мной происходит, пока не осознала, что у меня задержка в две недели и надо уже писать на тест.

Я не рассказывала никому, кроме Андре. В ответ он только сказал: «Тебе нельзя ехать одной». Он довез меня до больницы и набросил мне на голову свою куртку, пока мы шли мимо скандирующих активистов с мерзкими плакатами. Он ждал, пока все закончится. Потом, в машине он сказал кое-что, о чем я хочу тебе рассказать. Андре сказал: «Не плачь. У тебя еще будут дети». И он прав, Рой. У нас с тобой еще будут дети. В будущем. Мы станем родителями. Как там говорят, «дочь для отца, а сын для мамы»? Или наоборот? Но когда ты выйдешь из тюрьмы, мы можем завести хоть десять детей, если ты захочешь. Я обещаю.

Я люблю тебя. Я скучаю.

Твоя Селестия

Дорогая Джорджия,

Я знаю, я сказал, что больше не буду об этом. Но я хочу сказать еще кое-что. Мы будто взяли нашу семью и вырвали ее с корнем. Я читаю твое письмо, и мне начинает казаться, будто я заставил тебя пойти на это, а ты приехала ко мне в следственную тюрьму, радуясь, что у нас будет ребенок. Ты сказала «Я беременна», будто у тебя рак. Что я должен был на это ответить? И ко всему прочему, да, давай признаем, что я действительно склонил тебя принять такое решение, но не надо вести себя так, будто ты вся из себя покорная жена. Я до сих пор помню, как на свадьбе вы со священником уставились друг на друга, когда ты должна была сказать «повиноваться». Если бы он тогда не отступил, мы бы до сих пор стояли у алтаря, где-то на задворках брачной жизни.

В тот день у нас состоялся разговор. Между мной и тобой. Между двумя взрослыми людьми. А не так, что я указывал тебе, что делать. Когда всплыла идея прервать беременность, я увидел, что ты вздохнула с облегчением. Я ослабил хватку, ты схватила мяч и унеслась прочь. Все, о чем ты пишешь, тоже правда. Я сказал то, что я сказал, но давай не будем передергивать. Ты ведь не сказала, что мы можем это преодолеть. Ты не сказала, что это дитя создали мы оба. Ты не сказала, что, может быть, я освобожусь еще до родов. Ты опустила голову и сказала: «Я сделаю то, что необходимо сделать».

Я все знаю: твое тело, твое решение. Все как учат в Спелмане. Пусть так.

Но мы не знали, что у нашего поступка будут последствия. Я возьму на себя свою долю ответственности, но она ляжет не только на меня одного.

С любовью,

Рой

Дорогой Рой,

Небольшая предыстория:

Еще в колледже соседка по комнате мне сказала, что, поскольку мужчинам нравятся «опытные девственницы», девушке нельзя рассказывать своему парню о прошлых отношениях – нужно вести себя так, будто до него у тебя никого не

было. Я знаю, ты об этом тоже знать не хочешь, но ты сам вынудил меня рассказать тебе эту печальную историю.

Рой, ты знаешь, я до Спелмана год проучилась в Говарде, но ты не знаешь, почему я оттуда отчислилась. В Говарде я ходила на курс «Искусство африканской диаспоры», и наш преподаватель, Рауль Гомез, и был той самой африканской диаспорой. Он был родом из Гондураса и, увлекаясь, переходил на испанский, а искусство его всегда увлекало. Он рассказывал, что не закончил диссертацию, потому что ему было невыносимо писать об Элизабет Катлетт[19 - Элизабет Катлетт – скульптор афроамериканского происхождения.] по-английски. В свои сорок он был красив и уже женат. А я в восемнадцать развесила уши и была тупа как пробка.

Когда я узнала, что беременна, он уже сделал мне предложение. Все тайно, без кольца, но он дал мне слово, но – всегда есть какое-то «но», правда? Но он сначала должен был развестись, чтобы после двенадцати лет брака его жене не пришлось переживать, что у него появилась «вторая семья». (А что же я? А я обрадовалась слову «семья».)

Думаю, ты уже знаешь, чем все закончится. Когда я теперь об этом вспоминаю, мне тоже все заранее ясно. Я приходила в себя после операции, когда он пришел ко мне в комнату и сказал, что все кончено. На нем был роскошный темно-синий костюм и пепельный галстук. А на мне – треники и безразмерная футболка. Он был разодет, будто на дворе Гарлемский ренессанс[20 - Гарлемский ренессанс – культурное движение, возглавляемое ведущими афроамериканскими писателями и художниками, период расцвета афроамериканской культуры в 1920—1930-е годы.], а на мне даже обуви не было. Он сказал: «Ты чудесная девушка. С тобой я потерял голову и забыл, что можно, а чего нельзя». И исчез. И я исчезла вслед за ним. Я будто шла в темноте по обледенелой дороге внутри моего сознания и поскользнулась. Я перестала ходить на занятия к Гомезу, а потом вообще перестала ходить на занятия.

Через пару недель приятель отца с факультета химии связался с моими родителями. Черные колледжи всерьез относятся к своим родительским обязанностям по отношению к студентам. Мама и папа приехали в столицу быстрее, чем ты успеешь сказать судебный иск (да, нашим адвокатом тогда был дядя Бэнкс. Иск был заведомо необоснованным, но мы хотели добиться увольнения Гомеза).

Эта история сломила меня. Я вернулась в Атланту и месяц просто сидела дома. Не говорила даже с Андре, когда он к нам заходил. Родители всерьез думали отправить меня куда-то на лечение. Но меня спасла Сильвия (каждой девушке обязательно нужна тетя, которая ее поддержит). Я ей рассказывала все то же самое, что ты пишешь мне сейчас: что я сама навлекла на себя все беды. Что, если бы я не прервала беременность, жизнь наградила бы меня за храбрость и Гомез остался бы со мной. Что я провалила это испытание.

Сильвия сказала:

– Не мне тебя судить, детка, ты отвечаешь только перед Богом. Но, солнышко, скажи мне одну вещь: ты сейчас хочешь ребенка?

А я не знала. В основном мне просто не хотелось чувствовать то, что я чувствовала.

И тогда Сильвия спросила:

– На том тесте ты хотела увидеть плюс или минус?

И я сказала:

– Минус.

– Слушай, что кончилось, то кончилось. Чего ты сейчас хочешь? Сесть в машину времени, перенестись в ту осень и его развидеть?

А потом она достала десяток носков, нитки для вышивания и вату. Что было дальше, ты знаешь. И все знают. Она показала мне, как делать кукол из носков. Игрушки мы передавали в клинику Гарди для младенцев с абстинентным синдромом. Мы иногда ходили в отделение, и мне давали подержать детей – они были такие обдолбанные, что хрипели у меня в руках.

Я делала это не ради благотворительности. Своих первых кукол я сшила, чтобы очистить организм от чувства вины. Тогда я не думала о куклах ручной работы, заказах или выставках. Просто каждый раз, когда я передавала готовую игрушку, чтобы утешить младенца-сироту, я чувствовала, что воздаю вселенной

долг за свой поступок. Со временем куклы перестали у меня ассоциироваться с тем романом в Вашингтоне.

Но я не забыла об этом. И пообещала себе, что никогда больше не пойду на это снова. Еще какое-то время во мне жил страх, что я разрушила себя, не в медицинском, а в духовном смысле.

Рой, я знаю, у нас был выбор. Но на самом деле нет. Я оплакивала этого ребенка так, будто у меня был выкидыш. Мое тело плодородно, как тучная почва, а жизнь – бесплодна. Тебе кажется, что твоя ноша тяжела, но на моих плечах тоже лежит груз.

Теперь ты все знаешь. Каждый из нас несет свой крест.

Давай мы больше никогда, никогда, никогда не будем об этом говорить. Если я тебе хоть немного дорога, пожалуйста, никогда не поднимай эту тему снова.

Твоя Селестия

Дорогая Джорджия,

Позади два года брака – еще осталось десять плакать (это я так шучу). Наконец, Бэнкс подал апелляцию. Мне стыдно, что твои родители ухлопали на меня столько денег. Они, конечно, проходят у Бэнкса по категории «друзья и родственники», но все равно его гонорар растет, как пробег в машине. Если апелляционный суд встанет на нашу сторону и меня выпустят, я возьмусь за любую работу, чтобы вернуть долг твоему отцу. Я не шучу. Буду хоть продукты фасовать, если надо.

Вот поэтому мне больше нравятся бумажные письма, а не имейлы. Все, что я тут пишу, работает как долговая расписка или чек: подписано, запечатано, отправлено адресату. А на имейлы нам дается всего шестьдесят пять минут в неделю. Писать надо с библиотечного компьютера, и там то стоишь в очереди, то тебе заглядывают через плечо. Кроме того, я использую это время, чтобы писать письма на заказ. Угадай, чем мне заплатили на прошлой неделе. Луковицей. Знаю, ты думаешь, я сошел с ума, но лук в тюрьме встречается не

часто, а местной еде очень не хватает приправ.

За луковицу я написал большое письмо для девушки одного парня: сначала он ее страстно клеил, а потом просил денег. Уговор был, что, если она пошлет деньги, он даст мне луковицу. Я, конечно, поделился с Уолтером, – он свел нас и сработал как брокер. Видела бы ты мою награду. Если бы Горбун из «Нотр-Дам» превратился в овощ, он бы стал именно моей гнилой луковицей. Наверное, ты и не очень хочешь знать, что мы с Уолтером в тот вечер приготовили, но вдруг тебе будет интересно. Это что-то вроде рагу из лапши быстрого приготовления. Надо раскрошить туда кукурузные чипсы, венские сосиски и все смешать. Каждый скидывает свою еду, какая есть, а когда блюдо готово, все делится поровну. Готовил Уолтер. Знаю, звучит не очень, но на самом деле на вкус неплохо.

Еще бумажные письма мне нравятся потому, что их можно писать ночью. Жаль, что сейчас мало кто ценит старомодную переписку, а то я открыл бы тут маленький бизнес. Но люди с воли редко отвечают на бумажные письма, а весь смысл письма состоит в том, чтобы получить что-то в ответ. В интернете все по-другому. Ты почти наверняка получишь ответ, хоть и короткий. Ты всегда отвечаешь на мои письма, и знай, что я это очень ценю.

Пришли, пожалуйста, мне свои фотографии. Я хочу старые и парочку новых.

С любовью,

Рой

Дорогой Рой,

Я получила твоё письмо вчера, а ты получил моё? Как и обещала, высылаю фотографии. Они были сделаны ещё при тебе, ты их узнаешь. Поверить не могу, какая я была стройная. Раз ты просил, высылаю несколько новых снимков. Андре сейчас увлекся фотографией, поэтому фото такие замысловатые и серьезные. Увольняться он пока не думает, но мне кажется, снимает он неплохо. Наверное, это всё из-за его новой девушки – ей двадцать один год, и она считает, что на жизнь можно зарабатывать документальными фильмами. (Кто бы говорил. Мне уже за тридцать, и я зарабатываю куклами.) Кроме того, если Дре доволен, то я

только за, а он, судя по всему, втрескался по уши. Но двадцать один год? Рядом с ней я чувствую себя старухой.

Раз уж зашла речь о старости: фотографии. Ты заметишь, что я поправилась. Мама и папа оба такие стройные, наверное, какой-то рецессивный ген подкрался ко мне сзади и шлепнул по заднице. Но я сама виновата – шью как сумасшедшая, весь день сижу. Но у меня столько заказов!

Накопилась уже критическая масса кукол, и я приняла решение внести предоплату за новое помещение. Все выглядит не так, как в твоём воображении – то был скорее бутик, нежели магазин кукол. Представь себе место, где продаются дорожные игрушки, но дешёвое искусство. Надо признаться, мне радостно видеть, как хорошенькая чернокожая девочка берет такую же, как и она сама, куклу, обнимает ее и целует. Когда куклу в деревянном ящике уносит коллекционер, я испытываю совсем другие чувства.

Иногда мне начинает казаться, что я поступилась принципами. Занимаюсь искусством, но не Искусством.

Посмотри-ка, я переживаю, что выйду в тираж, у меня даже нет кассы.

Раз уж зашла речь о деньгах, думаю, ты догадываешься, что я напишу дальше. В меня вложился один-единственный инвестор, и это мой отец. Он потратил уйму денег, поэтому все документы мы оформили на него. Но мне пришлось напомнить ему, что партнер без права голоса должен помалкивать. Он хотел написать на вывеске «Пупсы» вместо Poupees[21 - Куклы (фр.)], чтобы покупателю было понятней. (Ха! Нет.)

Я знаю, мы хотели все сделать сами, без посторонней помощи, но всякое бывает, и, ко всему прочему, мои родители правда хотят мне помочь. Если я буду отстаивать свою независимость, лучше от этого никому не будет. Мы с папой уже сходили в банк, поговорили с брокером по недвижимости. Если все пойдет как запланировано, Poupees откроются через шесть месяцев. Мы мечтали не совсем об этом, но о чем-то вроде. Папа говорит, я могу «поднять нормально денег».

Ладно, вернусь к фотографиям. Все время меняю тему потому, что на самом деле мне не нравится, как я на них получилась. Они слишком откровенные.

Понимаешь, что я имею в виду?

Именно это мне и нравится в работах Дре, но только до тех пор, пока он снимает кого-то другого. Он сфотографировал папу, и в морщинах у него на лбу читаются все последние пятьдесят лет папиной жизни: детство в Алабаме, отцовство, внезапное богатство, как в книгах Горацио Элджера[22 - Горацио Элджер - американский писатель, поэт, журналист и священник.] (папе его портрет тоже не нравится, но снимок просто потрясающий).

Фотографии, которые я посылаю, проходят по категории для широкой аудитории, и ты можешь показывать их остальным, но, когда я смотрю на снимки, мне не хочется, чтобы их видел кто-то еще. Если захочешь, покажи друзьям старые фото.

Пожалуйста, передай Уолтеру привет и скажи, что я хотела бы с ним встретиться. Кажется, он хороший человек. У него есть дети? Если хочешь, я могу выслать ему немного денег. Мне не по себе от мысли, что в тюрьме люди оказываются лишены самых привычных вещей. Можно послать деньги от имени Андре, если ты хочешь, чтобы все было анонимно. Я знаю, насколько порой может быть уязвима чужая гордость. Сделаем так, как ты считаешь нужным.

Твоя Селестия

Дорогая Джорджия,

Ты – величайший дар моей жизни. Я скучаю по тебе, даже по той дурацкой шапочке для сна, которая мне так не нравилась. Скучаю по твоей еде, по идеальной фигуре. Скучаю по твоим настоящим волосам. И больше всего я скучаю по тому, как ты поешь.

Но я не скучаю по нашим ссорам. Поверить не могу, что мы тратили столько времени на ругань из-за какой-то ерунды. Вспоминаю, как я тебя порой обижал. Вспоминаю, как вместо заботы я заставил тебя волноваться просто потому, что мне нравилось, когда обо мне волнуются. Вспоминаю об этом и чувствую себя конченным придурком. Просто одиноким конченным придурком.

Прошу тебя, пожалуйста, прости и люби меня по-прежнему.

Ты не знаешь, насколько подавлен мужчина, которому нечего предложить женщине. Я представляю, как ты живешь там, в Атланте, а вокруг куча парней, и все с крутыми портфелями, крутыми дипломами и крутой работой. А я заперт тут и ничего не могу тебе дать. Но я отдаю тебе свою душу, и это самое настоящее, что у меня есть.

Ночью, если я сильно постараюсь, я могу мысленно прикоснуться к твоему телу. Ужасно жаль, что, только оказавшись в тюрьме, лишившись всего самого дорогого, я понял, что можно прикоснуться к человеку, при этом не трогая его. Я могу ощутить тебя ближе, чем когда мы лежали рядом в кровати. Утром я просыпаюсь уставший – чтобы вот так покидать тело, нужно много сил.

Я понимаю, это безумие, но, пожалуйста, попробуй. Попробуй мысленно ко мне прикоснуться. Я хочу узнать, каково это.

С любовью,

Рой

Дорогая Джорджия,

Пожалуйста, прости, если мое последнее письмо было каким-то «потусторонним». Не хочу, чтобы ты психовала. Пожалуйста, ответь.

Рой

Дорогой Рой,

Я не психую. Просто последние три недели я была очень занята. Моя карьера идет в гору. Ненавижу это слово – карьера. Всегда кажется, что где-то за этими буквами прячется слово сука. Знаю, я себя накручиваю. В общем, дело набирает обороты. Я веду переговоры о персональной выставке. Не хотела тебе писать, пока не достигнута железная договоренность, а сейчас договоренность у нас

еще какая-то пластилиновая. Так, выкладываю: помнишь мою серию «Человек в движении»? Теперь она называется «Я – Человек». На выставке будут собраны все твои портреты разных лет, начиная с работ в мраморе. Возможно, выставка будет в Нью-Йорке. Ключевое слово – возможно. Но я очень рада и очень занята. Андре отвечает за проекцию изображений и графический дизайн. Все выглядит идеально, но он отказывается принимать деньги за работу. Я знаю, что мы с ним как родные, но не хочу этим пользоваться.

Дел много, но я целыми днями нахожусь в окружении твоих портретов, поэтому мне кажется, будто мы рядом, и я иногда забываю написать тебе. Пожалуйста, прости. И помни, что ты в моих мыслях.

Твоя С.

Дорогая Джорджия,

Мама говорит, ты теперь знаменитость. Напиши, правда это или нет.

С любовью,

Рой

Дорогой Рой,

Если новости дошли до города Ило в штате Луизиана, значит, я знаменита. Наверное, на «Эбони» подписан весь негритянский народ. Не знаю, прочитал ли ты уже статью, но, даже если прочитал, позволь мне все объяснить. И даже если ты не прочитал, я хочу, чтобы ты знал, как все было.

Я тебе говорила, что моя кукла выиграла конкурс Национальной портретной галереи. Но я не сказала, что это был твой портрет. Оливия попросила меня сделать ей куклу по детской фотографии (это тот черно-белый студийный портрет, который висит в твоей комнате). Я пообещала, что сделаю, и три месяца добивалась правильной формы подбородка. Оливия даже дала мне твою детскую одежду. Меня не покидало ощущение нереальности, когда я надевала

на куклу вещи, которые предназначались ее внуку (вообще, это был сильный опыт). Я пообещала Оливии, что отдам ей куклу, но оставила ее дома. Просто тупо забыла. Я собиралась послать ей посылку ко Дню святого Валентина, но не могла с ней расстаться. Ты меня знаешь, когда речь идет о заказах, я перфекционист. Но местами эта работа вышла даже слишком точной, далась мне слишком легко. Оливия без конца мне напоминала, я обещала, что все пошлю.

Дальше все усложняется, так что сделаю небольшое отступление.

С тех пор как тебя забрали, мы с мамой стали больше времени проводить вместе. Сначала она приходила, просто чтобы я не оставалась дома одна, но со временем мы стали встречаться как подружки – болтаем, пьем вино. Иногда она даже остается у меня ночевать. Однажды ночью она рассказала мне, как ее родители переехали жить в Атланту. Говорила она долго, и я была без сил, но всякий раз, когда я засыпала, мама меня будила.

Когда мама была еще маленькая, бабуля посадила ее в коляску и пошла в магазин. Закупаться ей всегда было тяжело: денег у бабушки и дедушки было мало, а покупок в списке – много. Иногда в универмаге им отпускали в кредит, но бабуля от этого страдала: ты и сам знаешь, как быстро иногда растут долги. И вот она идет по магазину, пытаюсь понять, сколько еды нужно купить, чтобы хватило денег и всем досталось, и проходит мимо белой женщины с ребенком. (Мама их описывала очень подробно и обругала, будто она и вправду их запомнила. Она говорит, они выглядели как нищие, от женщины пахло камфорной настойкой, а девочка была босая.)

Короче говоря, девочка показала пальцем на мою маму и сказала: «Мам, смотри! Маленькая служанка!» И для бабушки это стало последней каплей. Меньше чем через месяц они уже собрали вещи и переехали в Атланту. Первое время они жили у дедушкиного брата, пока дед не устроился на работу. Но смысл истории такой, что в тот момент, в магазине, моя мама действительно была маленькой служанкой, и именно эта неизбежность заставила бабушку с дедушкой переехать.

Держи это в голове, ладно? Это важно.

Я раньше тебе об этом не рассказывала, но год назад у меня случился приступ. Не нервный срыв, только приступ. Я не стала тебе писать, потому что у тебя и так забот хватает. Пожалуйста, не злись на меня. Сейчас уже все хорошо.

В тот день мы с Андре шли по Пиплс-стрит – только закончили монтаж моей выставки в Доме Хэммондса[23 - Музей афроамериканского изобразительного искусства.]. Куклы были очень вычурные, практически барочные, метры дикого шелка и тюля. Мы измучились: двойные куклы должны были стоять на движущихся платформах, которые я тоже сделала сама. Андре мне помогал, но работы было так много, что, когда мы закончили, у меня уже все плыло перед глазами. Я была без сил – это важно.

Мы шли в мусульманское кафе на улице Абернати за рыбными сэндвичами. Я хотела есть – вот еще одна причина.

У перекрестка мы прошли мимо женщины, которая вела за руку маленького мальчика. Он был крохотный и очень милый. Я всегда обращаю внимание на детей его возраста – сложись все по-другому, у нас бы сейчас тоже был сын, его ровесник. Женщина выглядела молодо, лет, может быть, на двадцать, но было видно, что она старается быть хорошей мамой – это читалось в том, как она держала его руку и разговаривала с ним, пока они шли. Я запросто могу представить себя на ее месте, как я держу его маленькую ручку в своей, отвечаю на его бойкие вопросы. Когда они подошли к нам, он улыбнулся, обнажив маленькие прямые зубы, и меня тряхнуло. Я его узнала. Чей-то чужой голос у меня в голове произнес Маленький заключенный. Я зажала рот руками и повернулась к Андре – он явно растерялся. «Ты видел его? Это Рой?» – «Что?» Мне стыдно даже писать об этом. Но я попытаюсь объяснить. Дальше я только помню, как мои колени опустились на тротуар, а руки сжали пожарный гидрант, будто это толстый младенец.

Андре наклонился ко мне – со стороны, наверное, казалось, что у нас какая-то бытовая ссора. Он по очереди отлепил мои пальцы от гидранта. Кое-как мы дошли до того кафе. Андре позвонил Глории, а потом взял меня за плечи и сказал: «Это разрушает тебя. Остановись». Потом приехала Глория и вручила мне таблетку «успокоительных», которые найдутся в сумочке каждой матери. Короче говоря, я отоспалась, наваждение прошло, и на следующий день я уже была на открытии своей выставки в Доме Хэммондса. Не могу описать словами, но эта мысль просто точила меня изнутри, как червь.

И я обратила ее в куклу. Я сняла с твоей куклы песочник и сшила крошечную тюремную робу из вошеного хлопка. Надевать эту одежду на куклу было непросто, но казалось мне очень правильным. В детском песочнике она была просто игрушкой. В робе она стала искусством. С этой куклой я и выиграла конкурс. Мне ужасно жаль, что ты узнал об этом от своей мамы, а не от меня.

На сцене я отвечала на вопросы, но не упомянула тебя. Меня спросили об источниках вдохновения, и я рассказала, как моя мама оказалась маленькой служанкой, я говорила об Анджеле Дэвис[24 - Американская правозащитница, деятельница международного коммунистического движения, социолог, педагог и писательница. В 1970-х годах была символом движения за права заключенных.] и тюремно-промышленном комплексе. А все, что связано с тобой, для меня слишком личное, и я не хочу читать об этом в газетах. Я верю, что ты меня поймешь.

Твоя Селестия

Дорогая Джорджия,

Несколько месяцев назад ты написала, что у тебя получается «не совсем как мы мечтали, но что-то вроде». А сейчас выясняется, что все это время ты шла к настоящей мечте – у меня за спиной. Магазин придумал я, ты фантазировала о галереях, музеях, изощренных инсталляциях. Что, думаешь, я тебя не знаю?

Я прекрасно вижу, что ты пишешь и чего ты не пишешь. Ты меня стыдишься? Ну, стыдишься ведь, признай. Не пойдешь же ты в Национальную портретную галерею, рассказывая всем, что твой муж сидит. То есть ты, конечно, можешь. Но не будешь. Как я тебе сочувствую – тебе ведь так непросто. Раньше-то мы жировали вдвоем... А где мы оказались сейчас? Я знаю, где оказался я, я знаю, где оказалась ты, но где МЫ?

Я хочу, чтобы ты послала мне фотографию куклы. Может быть, она мне понравится, когда я ее увижу, но, должен тебе сказать, меня твоя концепция не колышет. Даже если то, что ты говоришь в статье, – правда: что ты хочешь «привлечь внимание к повальному лишению свободы» – ну, даже если ты это всерьез, объясни, будь добра, как эта игрушка поможет заключенным. Вчера у нас тут умер диабетик – ему просто не дали инсулин. Ужасно жаль тебя

расстраивать, но твои papers его не вернут.

Ты помнишь, я всегда поддерживал твое искусство. Никто не верит в тебя больше, чем я. Неужели тебе не кажется, что сейчас ты просто наплевала на все? Даже не предупредила меня и ничего обо мне не сказала. Надеюсь, для тебя много значит этот приз от Национальной портретной галереи. Больше мне тебе сказать нечего.

Знаешь, если тебе неудобно рассказывать людям, что твой невиновный муж сидит в тюрьме, можешь просто сказать, как я зарабатываю на жизнь. Недавно меня повысили. Я теперь вожу мусорный бак по Марсу и подбираю мусор огромными щипцами. Должность неплохая – у нас в тюрьме и сельхозработы есть, раньше вот я собирал соевые бобы. А сейчас работаю в помещении, и, хоть белой рубашки с галстуком у меня больше нет, на мне надет белый комбинезон. Все относительно, Селестия. Твой муж по-прежнему идет вверх по карьерной лестнице. Здесь я – квалифицированный работник. Стыдиться нечего.

Твой муж (надеюсь)

Рой

P.S. А Андре там был? Вы так и рассказываете всем, как дружите с тех самых пор, когда вас вместе купали в раковине? И все, наверное, умилялись? Селестия, дорогая, я, может, и родился вчера, но уж точно не сегодня вечером.

Дорогой Рой,

Твое последнее письмо меня так расстроило. Как я могу объяснить тебе, что стыд тут ни при чем? Наша история слишком уязвима, чтобы объяснять ее незнакомцам. Разве ты сам этого не понимаешь? Если я скажу, что мой муж в тюрьме, все услышат только это, а меня и моих кукол никто не заметит. Даже если я объясню, что ты невиновен, все запомнят только, что ты заключенный, и все. Даже если я расскажу всю правду, она до них не дойдет. Так что я не вижу смысла об этом говорить. Рой, понимаешь, это был особенный день для меня. Из Калифорнии специально прилетел мой наставник. Пришла Джанетта Коул[25 -

Антрополог, преподаватель, президент колледжа и музейный руководитель афроамериканского происхождения.]. И когда началась сессия вопросов и ответов, я просто не могла заставить себя говорить в микрофон о чем-то столь болезненном. Возможно, я эгоистка, но в этот момент я хотела быть художницей, а не женой заключенного. Пожалуйста, ответь на это письмо.

Твоя Селестия

P.S. Что касается твоих слов об Андре, то эти домыслы даже не заслуживают моего ответа. Уверена, что сейчас ты уже пришел в себя, и заранее принимаю твои извинения.

Дорогая Джоргия,

Уолтер говорит, что я просто придурок – надо было взглянуть на ситуацию твоими глазами. Он говорит, глупо было ждать, что ты станешь всем рассказывать, как твой муж сидит в тюрьме. Он сказал: «Это ж не “Беглец”. Она что, должна гоняться за одноногим мужиком[26 - «Беглец» – американский фильм 1993 года. Хирурга Ричарда Кимбла обвиняют в убийстве жены и приговаривают к смертной казни. Он утверждает, что застал дома неизвестного, который и убил его жену, но ему никто не верит. Совершив побег, он ведет собственное расследование, пытаясь узнать имя и мотивы загадочного однорукого убийцы.]]?» (Понимаешь теперь, почему мы его называем Гетто Йодой?) Он говорит, у тебя будет гораздо меньше возможностей для профессионального роста, если твое творчество станет ассоциироваться с лишением свободы, ведь это вызывает в памяти остальные удручающие стереотипы афроамериканской жизни. Только он выразился немного иначе: «Она ж черная женщина! Все и так думают, что у нее сорок малявок от сорока разных папаш и каждый месяц она получает пособие на сорок человек. Ей и без того сложно, а ведь ей еще нужно убедить белых, что она вся из себя мастерица-кудесница, делает кукол, вкалывает. Она и так из кожи вон лезет, а ты хочешь, чтобы она вышла на сцену и рассказала, что ее муженек мотает срок? Да стоит ей об этом заикнуться, у всех на уме будут только ее сорок малявок и сорок папаш. И что ей тогда делать? Телефонисткой работать, что ли?» (Именно это он и сказал.)

А я должен тебе сказать: прости меня. Я не хотел ни в чем тебя обвинять. Но мне тяжело здесь, Джорджия. Ты и понятия не имеешь, каково мне тут. И поверь мне, лучше тебе и не знать.

Я пошел в библиотеку и снова нашел статью и фото. У тебя на губах улыбка, а на пальце – мое кольцо. Сам не знаю, как я раньше этого не заметил.

С любовью,

Рой

Дорогая Селестия,

Получила ли ты мое письмо в прошлом месяце? Я просил у тебя прощения. Может быть, я недостаточно ясно выразился. Прости меня. Пожалуйста, ответь мне. Можно даже по интернету.

Рой

Рой О. Гамильтон-мл.

PRA 4856932

Письмо может быть просмотрено

Исправительный центр Парсон

Проезд Лодердейл Вудьярд, 3751

Джемисон, Луизиана, 7064

Дорогой мистер Давенпорт,

Подозреваю, что вы не так себе представляли будущее, когда я пришел к вам просить руки вашей дочери. Я сидел у вас дома, серьезней некуда, стараясь все сделать как надо. А вы ответили: «Я не могу дать ответ, ее рука не мне принадлежит». Сначала я подумал, вы шутите, а потом осознал, что вы всерьез. Тогда я отыграл назад и притворился, что пошутил, но на самом деле я сгорал от стыда. Чувство было такое, будто за общим столом я ел руками, а все остальные – ножом и вилкой. Ее рука не вам принадлежит, так и есть. Но тем не менее я должен был поговорить с вами как мужчина с женщиной. Я должен был спросить вас, могу ли я стать вашим зятем.

Со своим отцом я очень близок. Возможно, Селестия вам рассказывала, что он мне не родной, но другого отца я никогда не знал, и он всегда был для меня достойным примером для подражания. Отец дал мне имя и вообще все, что я имею. Но он мало что понимает в той жизни, которую я вел в Атланте, хотя именно его труд и дал мне эту возможность. Рой-старший всю жизнь прожил в маленьких южных городах, так и не окончил старшую школу, но всю жизнь зарабатывал на хлеб и крышу над головой для своей семьи. Для меня нет человека достойней.

Тогда я пришел к вам потому, что мы с вами похожи. В Атланте мы оба чужаки, если вы понимаете, о чем я. Вы живете тут довольно давно, а я еще совсем зеленый, но начинали мы одинаково. Вы из нищеты выбились в люди, а я был тогда нищетой, которая выбивалась в люди. По крайней мере, так мне в тот момент казалось. Сложно сказать, что со мной будет дальше, учитывая мое нынешнее положение. Но в тот день, когда я просил у вас ее руки, я ждал вашего благословения, и вы были для меня не только отцом Селестии, но и старшим наставником. Сделав ей предложение, я захотел прыгнуть выше головы, и, наверное, я нуждался в вашей поддержке, но в результате выставил себя полным идиотом. Наверное, я действительно идиот, раз все-таки пишу вам это письмо.

Мистер Давенпорт, Селестия уже два месяца не приезжала ко мне в Луизиану на свидания. Я не могу сказать, что у нас были какие-то крупные ссоры или разногласия. Я ждал ее в сентябре, но ее не было. Она написала мне, объяснив, что у нее сломалась машина, и я ждал ее на следующих выходных. Но она так и не приехала, и наша переписка оборвалась. Мистер Давенпорт, поговорите с ней за меня. Я знаю, вы посоветуете мне написать ей самому. Я уже пытался, поверьте.

Когда вы дали мне от ворот поворот, вы сказали, что я, возможно, слишком плохо ее знаю, чтобы на ней жениться. Поэтому я сейчас обращаюсь к вам. Оказалось, я действительно знаю ее хуже, чем я думал. В то же время вы знали С. всю ее жизнь и, возможно, сумеете найти слова, чтобы убедить ее вернуться ко мне.

Пожалуйста, скажите ей, что я понимаю: брак с заключенным – это огромная жертва. А я не привык просить о чем-то. Я сам заработал все, что имел. Мне бы не хватило духу переступить порог вашего дома, если бы я был лодырем. Но в моем нынешнем положении я не могу заработать ее любовь. Я не могу заработать ваше доверие, чтобы убедить вас, ее отца, что я ее достоин. Раньше у меня была престижная работа и золотые запонки. А сейчас? Я могу предложить ей только себя самого. Но себя самого не наденешь на палец, самим собой не оплатишь счета, не заведешь детей. Но больше у меня ничего нет, и я верю, что это не так уж и мало.

Спасибо, сэр, что дочитали до конца. Надеюсь, вы не откажете мне в моей просьбе. И, пожалуйста, не рассказывайте о моем письме Селестии или вашей жене. Пусть это останется между нами, между двумя мужчинами.

Искренне ваш,

Рой О. Гамильтон-мл.

Франклин Делано Давенпорт

Каскад Роуд, 9548

Атланта, Джорджия, 30331

Дорогой Рой,

Благодарю тебя за письмо – я много о тебе думаю. Моя жена ведет «молитвенную борьбу» и регулярно просит Господа о тебе. Ты не забыт нами. Ни мной. Ни Глорией. Ни Селестией.

Сын (я осознанно обращаюсь к тебе именно так), мне кажется, ты неверно понял наш диалог в тот вечер, когда ты пришел просить у меня руки Селестии. Я не сказал тебе «нет», я всего-навсего объяснил, что не могу распоряжаться своей дочерью. Я вспоминаю этот разговор с улыбкой. Ты пришел, надувшись, как павлин, с бархатной коробочкой в кармане пиджака. Обомлев, я на мгновение подумал, что ты собираешься просить моей руки! (Шучу, конечно же.) Я рад был убедиться в серьезности твоих намерений, но мне казалось неправильным увидеть кольцо первым. Я видел, что ты ушел в расстроенных чувствах, и, честно говоря, это был хороший знак. В своем письме ты написал, что не привык кого-то просить, и это было очевидно уже тогда. Но это читалось не в золотых запонках (настоящих! Кто бы мог подумать), а в твоей походке. Ты не просил у меня ее руки (хотя я по-прежнему настаиваю, что она не мне принадлежит). Наоборот, ты пришел сказать мне, что женишься на ней – хотя она сама еще не согласилась. Я заподозрил, что ты задумал встать перед ней на колени и, размахивая кольцом, (наверняка с громадным камнем), объявить, что она выиграла в брачную лотерею. И я честно сказал тебе, что, если ты надеешься на подобные методы, ты просто плохо ее знаешь.

Расскажу тебе один анекдот из своей жизни. Я трижды делал предложение Глории, прежде чем она согласилась. Надо признать, что первая попытка мне удалась не слишком, так как тогда я был обременен обстоятельствами своего первого брака. Глория – женщина возвышенная, но ее дословный ответ был таким: «Ох ё... Нет». Второй отказ был мягче: «Нет, не сейчас». В третий раз я не вставал на колени – ни в прямом, ни в переносном смысле. Я достал скромное украшение и попросил ее разделить со мною жизнь. Я извинился за прошлые ошибки. Я весь был перед нею. Я не стал привлекать ее отца, не просил ее лучших друзей помочь мне все подстроить. Я взял ее руку и раскрыл ей свою душу. Ответом мне был кивок. Никто не орал, не улюлюкал, не прыгал, как сейчас показывают по телевизору. Не было вопросов на рекламном щите или в перерыве игры на стадионе «Роуз Боул»[27 - «Роуз Боул» – мультиспортивный стадион, расположенный в городе Пасадена.]. В брак вступают двое. И публика здесь ни к чему.

После всего вышесказанного, я поговорю с Селестией и выясню, что вызвало такой «перерыв» в ее поездках к тебе. Открою тебе правду, до сегодняшнего дня я ничего об этом не знал. Но, должен тебя предупредить, я не смогу поговорить с ней «за тебя». Я могу только поговорить с ней за себя, как ее отец.

Надеюсь, ты не подумаешь, что я отказываю тебе в твоей просьбе, я совершенно не это имею в виду. Ты – часть нашей семьи, и мы все о тебе высочайшего мнения.

Но должен сказать тебе, что я расскажу Селестии о твоём письме. Как её отец, я не намерен устраивать против неё заговоры. Моя дочь – мое счастье и мой единственный кровный родственник. Но я скажу тебе одну вещь: я знаю, какую дочь мы воспитали. Моя жена оставалась мне верна даже тогда, когда я этого не заслуживал, и я уверен, что наша дочь будет не менее стойкой.

Пожалуйста, сын, пиши мне. Я всегда рад письмам от тебя.

Искренне твой,

Франклин Делано Давенпорт.

Скрытая копия: С. Г. Давенпорт

Дорогая Селестия,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Южная красавица – характерное для США устойчивое выражение и стереотипное представление об американке Юга с высоким социально-экономическим положением.

2

Штат Джорджия знаменит во всем мире своими исключительно вкусными персиками, поэтому красивых девушек из этого штата называют «персик из Джорджии».

3

Стипендии первого поколения – программы помощи в получении высшего образования для выходцев из семей, члены которых раньше не посещали колледж или университет.

4

School Daze (также известен как «Школьное изумление») – фильм 1988 года.

5

Фильм 1967 года (режиссер – Джеймс Клавелл, в главной роли Сидни Пуатье).

6

«Лов Джоунс» (Love Jones) – фильм 1997 года о молодой темнокожей паре.

7

Перри Мейсон – практикующий лос-анджелесский адвокат, литературный персонаж серии романов классика американского детектива Эрла Гарднера.

8

Ebony и Jet – американские журналы, ориентированные на афроамериканскую аудиторию.

9

Сериал, выходивший в 1987–1993 годах и рассказывавший о жизни группы студентов, обучающихся в бывшем «чёрном университете».

10

Национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

11

Фредерик Дуглас – американский писатель, просветитель, аболиционист, редактор и оратор. Один из известнейших борцов за права чернокожего населения Америки, руководитель негритянского освободительного движения.

12

Жозефина Бейкер – американо-французская танцовщица, певица и актриса.

13

Слова из песни Ареты Франклин Do Right Woman, Do Right Man.

14

Слова из песни Break Up To Make Up соул-группы The Stylistics.

15

Частный женский колледж высшей ступени, один из наиболее известных исторически черных колледжей в США. Находится в Атланте.

16

Американский частный т. н. исторически черный университет.

17

Патрис Эмери Лумумба – национальный герой Демократической Республики Конго, поэт и один из символов борьбы народов Африки за независимость.

18

Ку-клукс-клан, сокращенно КKK – ультраправая организация в США, отстаивавшая такие идеи, как превосходство белых, белый национализм.

19

Элизабет Катлетт – скульптор афроамериканского происхождения.

20

Гарлемский ренессанс – культурное движение, возглавляемое ведущими афроамериканскими писателями и художниками, период расцвета афроамериканской культуры в 1920—1930-е годы.

21

Куклы (фр.).

22

Горацио Элджер – американский писатель, поэт, журналист и священник.

23

Музей афроамериканского изобразительного искусства.

24

Американская правозащитница, деятельница международного коммунистического движения, социолог, педагог и писательница. В 1970-х годах была символом движения за права заключенных.

25

Антрополог, преподаватель, президент колледжа и музейный руководитель афроамериканского происхождения.

26

«Беглец» – американский фильм 1993 года. Хирурга Ричарда Кимбла обвиняют в убийстве жены и приговаривают к смертной казни. Он утверждает, что застал дома неизвестного, который и убил его жену, но ему никто не верит. Совершив

побег, он ведет собственное расследование, пытаясь узнать имя и мотивы загадочного однорукого убийцы.

27

«Роуз Боул» – мультиспортивный стадион, расположенный в городе Пасадена.

Купить: https://telnovel.com/dzhons_tayari/brak-po-amerikanski

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)